

И
д
е
о
л
о
в
и
и

Шарль де Голль

На острие шпаги

о
в
о
й
н
е
о
д
о
к
т
р
и
н
е
о
х
а
р
а
к
т
е
р
е

© европа

Серия «Идеологии»

Шарль де Голль

НА ОСТРИЕ ШПАГИ

Москва
Издательство «Европа»
2006

УДК 323.2

ББК 63.3

Д 27

Серия «Идеологии»
Серия основана в 2005 году

Шарль де Голль. На острие шпаги / Пер. с фр. — М.:
Издательство «Европа», 2006. — 240 с.—(Идеологии)
Предисловие: А.А. Кокошин

Перевод с французского Ольги Дубицкой
В оформлении книги использованы
репродукции картин Пабло Пикассо

The old essay by General De Gaulle has taken on a rather unexpected topicality in the present circumstances. This text, written at the time when the author was not yet even a colonel, was already treating a subject that would become one of the main themes for the future president of France: the relation between a military professional and a politician, or else, the relation between a specific strategy and a political one. This text is about the quality that is most rare for a politician as well as for a military man: it is about the courage of taking the decision and the responsibility that comes with it.

ISBN 5-9739-0033-9

© А.А. Кокошин, предисловие, 2006
© Издательство «Европа», 2006

Серия «Идеологии»

Шарль де Голль
На острие шпаги

Ответственный редактор *Г. Рапопорт*
Литературный редактор *А. Пряжникова*
Художественный редактор *С. Захаров*
Корректоры *О. Кандидатова, В. Кинина*
Макетирование *А. Монахов*
Верстка *О. Павловский*
Обложка *Н. Конколович*

Подписано в печать 17.11.2005. Формат 70х100 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Charter. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,5. Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1
тел. 745-52-25, факс 725-78-67

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Момент»

Charles de Gaulle
Le Fil de L'épée

Paris
Editions Berger-Levrault
1932

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к российскому изданию	5
Введение	15
О военных действиях	23
I	25
II	42
О характере	59
I	61
II	69
III	78
Об авторитете	93
I	95
II	99
III	113
О доктрине	135
I	137
II	149
III	166
Политик и солдат	173
I	175
II	185
III	198
IV	208
Послесловие	219

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Генерал Шарль де Голль известен в мире как лидер «Свободной Франции» в годы Второй мировой войны, премьер-министр, а затем – президент Франции в послевоенный период. С именем де Голля связано возвращение Франции в число великих держав в условиях краха французской колониальной империи и скачкообразного возрастания роли в западном мире Соединенных Штатов. Эта политика нашла свое воплощение в том числе в сохранении Францией собственной авиационной промышленности, в создании ракетно-космической отрасли, электронной промышленности, атомной энергетики и, несомненно, независимой системы ядерного сдерживания – несмотря на все противодействия англосаксонских держав. Успехи этой политики в экономической сфере во мно-

гом зиждились на глубоком партнерстве государства и отечественного предпринимательства на патриотической основе, что весьма интересно и актуально для современной России.

Де Голль и его последователи неоднократно демонстрировали свою особую линию во взаимоотношениях с Советским Союзом, отказываясь полностью следовать в фарватере политики США и других союзников по НАТО, оставаясь при этом в целом частью «евроатлантического сообщества».

Де Голлю с молодых лет было свойственно глубокое понимание национальных интересов Франции, ее национальной культуры – в широком понимании, в том числе культуры военно-стратегической и политической.

Для многих французов он остается символом мужественного и просвещенного служения своему народу, своему государству в самых сложных, а подчас и трагических условиях.

После Второй мировой войны возник и живет до сих пор во Франции голлизм как устойчивое полити-

ческое течение и политическая идеология. Во внешне-политическом измерении голлизм прежде всего можно рассматривать как политику отстаивания национальных интересов своей страны, обеспечения ее реального суверенитета.

Дух голлизма проявил себя, в частности, в действиях государственного руководства Франции в период серьезного международно-политического кризиса в 2003 году, связанного с политикой США и Великобритании в отношении Ирака, вылившейся в их войну в этой арабской стране. Руководство Франции, как известно, вместе с руководством России, Германии, Китая и ряда других стран выступило против такой политики. Такую позицию французское правительство заняло несмотря на то, что Франция является союзником США по НАТО и обладает значительно меньшей политической, экономической, военной мощью, нежели Соединенные Штаты.

Де Голль заявил о себе как о яркой, нестандартной личности еще в период между Первой и Второй мировыми войнами. Одним из проявлений этого было

появление на свет в 1932 году его книги «На острие шпаги», которая не носила характер ни строго научного исследования, ни политической публицистики, а представляла собой своего рода эссе. Стиль этого эссе отнюдь не импонирует автору предисловия, однако это не означает отрицания ценности многих высказанных в ней де Голлем идей, наблюдений как для того периода, так и для наших дней, в том числе применительно к российским реальностям.

В своей книге де Голль активно выступает против доминировавшей в то время в большей части французского «политического класса» (в значительной мере это было свойственно элитам и Великобритании, и многих других западных стран того периода) веры в невозможность войны, веры, носившей чуть ли не мистический характер.

Соответственно, он ратует за то, чтобы Франция в реальных условиях возрастания вероятности войны имела бы достаточно мощные вооруженные силы, чтобы армия заняла достойное место во французском обществе. Де Голль считает, что элите вооруженных сил,

кадровым офицерам, должно быть обеспечено такое положение, при котором они гордились бы своей принадлежностью к вооруженным силам, обеспечивающим не только военную безопасность своей страны, но и ее национальное величие. Такая апелляция де Голля весьма созвучна тем в России, кто ратует за подлинное обеспечение российских национальных интересов, за то, чтобы Вооруженные силы России, другие силовые структуры, оборонная промышленность были предметом нашей гордости и уважения, имея высокий социальный статус и подобающее денежное содержание.

Первые три главы этой книги представляют собой переработанные тексты лекций, прочитанных де Голлем в Высшей военной школе в Сорбонне в конце 1920-х годов; в основу главы «О доктрине» положена его статья на эту же тему, опубликованная в 1925 году. Специально для этой книги де Голль написал введение и последнюю, пятую, главу «О политике» (См. Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. Издательство «Международные отношения». М.: 1973, С. 76–78).

В этой книге де Голль уверенно демонстрирует свой интеллектуализм как в военной, так и в политической сфере. Говоря о военном деле, он убедительно демонстрирует особую важность серьезной аналитической работы военачальников и командиров, для того чтобы «ограничивать проявление ошибок». Он очень верно в том числе характеризует значение высококачественных разведданных (причем «хорошо изученных» военачальником) для уменьшения степени неопределенности при принятии решений и проведении их в жизнь.

Де Голль обоснованно обращает внимание и на необходимость глубокого знания собственных вооруженных сил (апеллируя к Наполеону, планы которого, как подчеркивает де Голль, «в большей степени основывались на исключительном знании своей армии», поскольку он постоянно держал в уме количественные и качественные характеристики каждого подразделения). Но де Голль отдает должное и инстинкту, которым, по его мнению, безусловно обладали великие полководцы прошлого.

Весьма рельефно отражает суть проблемы суждения де Голля характер принятия решений в военной сфере; он справедливо пишет о том, что «на войне принять решение намного труднее, ведь оно влияет на судьбу стольких несчастных жизней, и как наверху, так и внизу о нем судят только по его результатам».

Примечательна синтезирующая формула де Голля: «без сомнения, ум помогает на войне, без сомнения, инстинкт полезен, но в конечном счете решение относится к разряду моральных ценностей». Сам он личными поступками в последующие десятилетия своей жизни не раз подтверждал то, что он следует именно этой формуле.

Внимание де Голля прежде всего привлекают выдающиеся организаторы вооруженных сил – в гораздо большей мере, чем «чистые» военачальники («профессия солдата заключается в использовании оружия, но власть оружия должна быть организованной»). Среди тех, кого чтит де Голль, – Тюренни и Лувуа, создавшие регулярную армию во Франции к концу XVII века.

В числе героев де Голля – Лазар Карно, математик и физик, создавший из хаоса великой революции мощную армию Французской Республики.

Автора «На острие шпаги» явно интересуют психологические аспекты принятия политико-военных и военных решений, и здесь ведущими авторитетами для него являются Толстой и Флобер.

Значительное внимание автор уделяет вопросам соотношения политики и военной стратегии, четко и однозначно признавая примат первой в духе канонических формул Клаузевица. С особым вниманием в этой связи он относится к прусско-германскому тандему Бисмарк – Мольтке-старший. Здесь он, впрочем, идеализирует их гармонию, забывая при этом упомянуть о роли Верховного главнокомандующего – короля Пруссии, а затем императора Германии Вильгельма I.

Де Голль отмечает, что хотя политик и солдат делают общее дело на благо своей страны, у каждого есть весьма важная специфика деятельности, о которой ни в коем случае нельзя забывать: *«Политик и солдат привно-*

сят в общее дело очень разные характеры, приемы, заботы».

В целом нет никаких сомнений в том, что эта книга де Голля не оставит равнодушным современного российского читателя, заинтересованного в том, чтобы Россия усиливала свои позиции в мире как современная великая держава с достаточно мощными Вооруженными силами, с собственной наукоемкой оборонной и гражданской промышленностью, с достойным местом офицерского корпуса в нашем обществе.

*А.А. Кокошин, председатель Комитета ГД
по делам Содружества Независимых Государств
и связям с соотечественниками*

ВВЕДЕНИЕ

Быть великим значит выдержать великий спор.

Уильям Шекспир. «Гамлет»

*Н*а нашей эпохе лежит печать неуверенности. Всеобщее отрицание конвенций, ожиданий, доктрин, а также испытания, потери, разочарования и потрясения, неожиданные события расшатали установленный порядок. Военным, которые недавно изменили мир, остается лишь страдать от этой неопределенности и оплакивать свое утраченное рвение.

Эта печаль военных в промежутках между периодами великого напряжения несомненно является классической. Контраст между мнимой активностью армии в мирные времена и ее скрытым могуществом печален, и заинтересованные лица не могут не думать о нем с болью: «Сколько незанятых сил..», — писал Эрнест Псиша-

ри¹, — какое предназначение и какое бесплодие!» С еще большим основанием схожая грусть наполняет души солдат в годы мира, следующие за битвами. Если резко отпустить сжатую пружину, она сломается, издав глухой и глубокий стон, которым нас убаюкивали Клапье Вовенарг² и Альфред де Виньи³.

К тому же в духе нашего времени есть, кажется, все для того, чтобы терзать совесть профессионалов. Претерпев от жестокости силы, людские массы страстно ей сопротивляются. Повсюду распространяются некие мистические настроения: войну не только проклинаят, ее склонны считать устаревшей, и всем хочется, чтобы так было на самом деле. Такое усердие не обходится без заклинания бесов: для изгнания злого духа войны повсеместно раздаются шумные проклятия; чтобы вызвать ужас к этому греху, его губительные последствия стараются изобразить на тысячах картин, скрывая то, что в нем есть деятельного и грандиозного. О битвах не хотят вспоминать ничего, кроме крови, слез и могил, забывая о величии, которым народы утешаются в своей скорби. Никому нет дела до Исто-

рии, черты которой иные искажают для того, чтобы вычеркнуть из нее войну. На военное сословие нападают в самой его сердцевине.

Впрочем, подобное движение духа, каким бы преувеличенным оно ни казалось, легко объяснимо. Оно выражает, в общем, инстинкт самосохранения ослабленной Европы, которая ощущает все опасности нового конфликта. Вид больного, грозящего смерти кула-

---

Действительно, невозможно расшевелить толпу, кроме как первичными чувствами, жестокими образами, мощными призывами.

ком, никого не может оставить равнодушным. К тому же как еще установить тот международный порядок, к которому стремятся на время образумившиеся народы, если не при помощи одной могучей коллективной эмоции? Действительно, невозможно расшевелить толпу, кроме как первичными чувствами, жестокими образами, мощными призывами.

И все же, не осуждая подобных стремлений, где это видано, чтобы угасли страсти и интересы, из которых

проистекают военные конфликты, чтобы кто-то по доброй воле отказался от того, что имеет, или от того, чего желает, чтобы люди, наконец, перестали быть людьми? Можно ли считать окончательным нынешнее равновесие, пока мелкие хотят вырасти, сильные — господствовать, старые — продолжать существовать? Как стабилизировать границы и власть, если эволюция продолжается? Впрочем, предположим, что нации согласятся на время регулировать свои отношения на основании высшего кодекса, но будет ли достаточно утвердить нечто при помощи права, если его нельзя навязать? *«Безоружный закон вызывает презрение»*, — сказал кардинал де Рец⁴. Международное право ничего не значило бы без войск. По какому бы пути ни пошел мир, он никуда не дойдет без оружия.

Действительно, можно ли сохранить жизнь без силы? Пусть запретят рождаться, стерилизуют умы, парализуют души, усыпят потребности, и тогда, без сомнения, сила исчезнет из обездвиженного мира. В противном случае нет ничего, что могло бы сделать силу ненужной. Средство мышления, инструмент действия,

условие движения — эта акушерка необходима, чтобы вытащить прогресс на свет. Щит владык, оплот престолов, таран революций, все и каждый обязаны ей порядком и свободой. Колыбель городов, скипетр империй, могильщик упадка, сила дает закон народам и правит их судьбами.

По самой сути вещей, военный дух, искусство солдат и их доблесть являются неотъемлемой частью человеческого капитала. Мы находим их встроенными во все периоды Истории настолько, что они являются ее выражением. В конце концов, можно ли понять Древнюю Грецию без битвы при Саламине⁵, Рим без легионов, христианство без меча, ислам без сабли, Революцию без сражения при Вальми⁶, Версальский договор без победы Франции? И еще: это самоотречение отдельных людей ради множества, это прославленное страдание, на чем строится всякая армия, в высшей степени отвечают нашим эстетическим и моральным представлениям. Самые возвышенные философские и религиозные доктрины не нашли другого идеала.

Итак, если те, кто ведает французскими войсками, падут духом, в опасности окажется не только родина, но и всеобщая гармония. Если эти мудрецы не в состоянии постичь мощь, смогут ли понять ее безумцы или одержимые? Представителям военной элиты пора осознать свою выдающуюся роль и сосредоточиться на своей цели, которой попросту является война, поднимающая их головы и взоры к вершинам.

Чтобы вернуть остроту шпаге, армии пора восстановить свою философию. Она найдет в ней высшие перспективы, гордость за свое предназначение и влияние — единственное вознаграждение в ожидании славы, которым она может платить своим людям.

***

¹ Псишари Эрнест (1883–1914), французский офицер, писатель, публицист.

² Маркиз Клапье Лука Вовенарг (1715–1747), французский моралист, исследователь души и страстей, автор «Введения в познание человеческого разума» и множества афоризмов.

- ³ Граф Альфред Виктор де Виньи (1799–1863), офицер-роялист, поэт, автор исторических романов.
- ⁴ Франсуа Поль де Гонди (1613–1679), впоследствии кардинал де Рец, политик, боровшийся последовательно с Ришелье и Мазарини, один из организаторов Фронды, автор знаменитых «Мемуаров».
- ⁵ Саламин (Salamis), остров близ Аттики, при котором греки под командованием Фемистокла разбили персидский флот в 480 г. до н. э.
- ⁶ Вальми, селение во Франции (департамент Марна), в районе которого 20 сентября 1792 года войска революционной Франции под командованием генерала Шарля Дюмуре и Франсуа Келлермана одержали первую победу над войсками австро-прусских интервентов и французских дворян-эмигрантов.

О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В начале было Слово? Нет! В начале было Действие.

Иоганн Вольфганг Гете. «Фауст»

Военные действия носят, по существу, случайные черты. Результат, на достижение которого они направлены, связан с врагом и в высшей степени изменчив: враг может проявляться в бесконечном числе облиций; он располагает средствами, ~~точная мощь~~ которых неизвестна; его намерения могут быть сколь угодно разными. К тому же поле боя никогда не бывает неизменным; события переводят военные действия то в один регион, то в другой; одно и то же поле боя оборачивается совершенно различными условиями в зависимости от направления, скорости, приема, которым на него выводятся войска. Применяемые командованием средства не имеют какой-либо абсолютной ценности: эффе-

ктивность боевой техники, моральный дух войск от случая к случаю варьируются в огромных пределах. Например, свое влияние оказывают погодные условия. Воюющие, таким образом, постоянно сталкиваются с новыми и, по крайней мере отчасти, непредвиденными ситуациями. К войне, как и к жизни, можно применить понятие греческой философии «*παντάρχει*»¹: то, что уже произошло, больше не повторится никогда. И военные действия, какими бы они ни были, вполне могли вообще не состояться или состояться по-другому.

Этот характер случайности, присущий военным действиям, придает сложность и величие смыслу этого понятия. Под видимостью грубой простоты они ставят перед человеческим сознанием наитруднейшие вопросы, и чтобы разрешить их, необходимо выйти за пределы обыденных взглядов, преодолеть собственную природу. В действительности ум, природой нацеленный на рассмотрение и постижение постоянного, установившегося, определенного, избегает всего подвижного, неустойчивого, разного.

Анри Бергсон² описывает и одновременно анализирует затруднение, которое испытывает ум при столкновении с неустойчивой реальностью: «Мы ясно ощущаем, что некоторые категории нашего мышления невозможно успешно применить к фактам жизни».

...Ум, природой нацеленный на рассмотрение и постижение постоянного, установившегося, определенного, избегает всего подвижного, неустойчивого, разного.

ни. Мы тщетно подгоняем живое под те или иные из наших рамок; все рамки трещат по швам; они слишком узки, слишком жестки, особенно для того, что мы пытаемся в них втиснуть. Наш рассудок, столь уверенный в себе, когда он движется среди инертных предметов, на этой новой территории чувствует себя неуютно».

Военные действия предлагают человеческому сознанию некоторого рода головоломку, для разгадывания которой одного лишь ума вовсе не достаточно. Напрасно ум старается применить к этой проблеме обычные для него методы исследования и оценки.

Всегда нечто неожиданное застаёт его врасплох, какой-нибудь элемент от него ускользает, какое-то событие обманывает ожидания. Ясность ума мало проясняет неисчислимы́е и запутанные причины военных действий. Логика не в состоянии ухватить переплетения их последствий. Стремительный, мутный поток обстоятельств ускользает из сетей ума, как вода из рыболовной сети.

Ум предварительно разрабатывает параметры концепции, проясняет и уточняет их, ограничивает возможности появления ошибок.

Но, хотя ума вовсе не достаточно для понимания военных действий, само собой разумеется, ум принимает в них участие. Ум предварительно разрабатывает параметры концепции, проясняет и уточняет их, ограничивает возможности появления ошибок. Противник, несомненно, является величиной случайной и изменчивой. Никакие изыскания или оценки не могут с уверенностью определить, каков он, каким он станет, что он делает и что собирается сделать. Однако разведыва-

тельные данные, собранные с умом и хорошо изученные, ограничивают поле, открытое для гипотез. Таким образом, умение рассуждать обладает субстанцией, до некоторой меры, прочной и определенной. В Каннах, когда Ганнибал вышел навстречу римлянам, он был о них прекрасно осведомлен. Он знал характерную для них манеру сражаться. Он знал, что их войска построены на жесткой упорядоченности, в три эшелона, что их сила заключается в организованности и что, сломав этот порядок, можно уничтожить и силу. И его маневр очевидно был нацелен на то, чтобы заставить римлян сломать строй. Когда 18 июля 1913 года французское командование отдало приказ о контрнаступлении на восток от Вийе-Котре, ему были известны боевой порядок, ресурсы, позиции и состояние духа немцев; оно могло рассчитать, сколько войск и техники необходимо задействовать, чтобы обеспечить себе превосходство. Конечно, одних разведывательных данных было недостаточно для разработки маневра в Каннах или в Вийе-Котре, но в сознании тех, кто их задумывал, эти данные позволили устранить неопределенность.

К тому же, так как особенности поля боя, его размер и форма напрямую соотносятся с возможностями передвижения, силой натиска, эффективностью огня, совершенно очевидно, что надежное знание местности важно при разработке плана действий. Наполеон, изучая поле боя под Аустерлицем, увидел, что, захватив плато Працен, он получит ключ к позициям противника. Фон-Шлиссен понял, как и многие другие, что равнины Эно и Фландрии, лишенные естественных препятствий, с большим числом автомобильных и железных дорог, удобных для передвижения, являются образцовым полем для вторжения больших масс, нацеленных в сердце Франции.

К тому же, хотя эффективность средств зависит от стечения обстоятельств, которые невозможно просчитать, ум заранее придает многочисленным неопределенностям вид некоторой устойчивости. И, в первую очередь за счет организации, ум помещает текущее целое в четкие рамки. Единство, расчлененное на организованные части, каждая из которых располагает определенными средствами, составляется за-

тем в определенную упорядоченность и представляет уму численные показатели. Карно придал революционным массам организацию, которая сделала их управляемыми, сформировав из них автономные, однородные и потому взаимозаменяемые подразделения. Подобная организация сделала целое более гибким, позволила увеличить расстояния между подразделениями и, следовательно, район маневров. За счет размещения войск она ограничивала возможность совершения коллективных ошибок этими плохо обученными безумцами. Она дала молодым поколениям Республики простые и относительно четко фиксированные элементы для разработки операций. Во время Первой мировой войны вновь образованный Главный артиллерийский резерв стал для французского командования средством огневой поддержки операций, которую рассчитывали с почти математической точностью. Он же увеличил продуктивность работы артиллерии за счет ее ярко выраженной специализации.

Наконец, как можно не видеть ценность в осведомленности командующего? Каждое из подразделений, ко-

торыми он управляет, обладает особыми свойствами, ограничениями и потребностями, которые поддаются подсчету и измерению. Чем лучше командующий о них осведомлен, тем больше у него шансов приспособить их применение к обстоятельствам, получить от них все, что они могут дать, не требуя невозможного, и снабдить их всем необходимым. Планы Наполеона в большей степени основывались на исключительном знании своей армии! Он постоянно держал в уме количественные и качественные характеристики каждого подразделения, и точность его предвидения объяснялась в первую очередь тем, что он много знал. Какое важное место во время Первой мировой войны занимала оценка ситуации в планах мельчайших операций!

Таким образом, разум, применяя к различным категориям переменных — противнику, полю боя, ресурсам — свои обычные способности воображения, рассуждения, оценки, запоминания, прибегая к приемам изучения, которыми он обладает — дедукции, индукции, построению гипотез, — охватывает эти переменные, исследует и упорядочивает их. Одним словом, в сознании челове-

ка, который собирается действовать, ум подготавливает концепцию, но не он производит ее на свет.

Без помощи разума невозможны ни логические цепочки, ни авторитетные суждения. Но без усилий интуиции невозможны ни глубокое восприятие, ни творческие порывы.

Бергсон показал: чтобы войти в прямой контакт с фактами реальности, человеческому сознанию необходимо задействовать интуицию, объединяя инстинкт с умом. Если ум снабжает нас общим, абстрактным, теоретическим знанием, то именно инстинкт предоставляет нам практическое, частное и конкретное ощущение. Без помощи разума невозможны ни логические цепочки, ни авторитетные суждения. Но без усилий интуиции невозможны ни глубокое восприятие, ни творческие порывы. В нашем «я» инстинкт в действительности — это способность, которая сильнее всего связывает нас с природой. Благодаря инстинкту мы особенно глубоко погружаемся в суть вещей. Мы участвуем в их тайной гармонии. Именно при его помощи человек воспринимает реальность условий, которые

его окружают и сообщают ему соответствующие импульсы. При разработке плана операции командир переживает примерно то же, что художник при придумывании сюжета. Он не перестает использовать свой ум. Он извлекает из него опыт, приемы, знания. Но само творчество невозможно без помощи некой инстинктивной способности, без вдохновения, и лишь оно одно позволяет войти в прямой контакт с природой, откуда должна появиться искра. О военном искусстве можно сказать то же, что Бэкон говорил о других видах искусства: *«Это человек, соединенный с природой»*.

Важная роль инстинкта в разработке плана отразилась в современном языке. Если политик, военный или предприниматель понимает все так, как есть, то есть в соответствии с действительностью, о нем говорят, что у него есть «чувство реальности», или «дар», «проницательность», «нюх». Во время военных действий ничто не может заменить это усилие самой природы. Именно поэтому люди, не отмеченные большим умом, не выделяющиеся способностью к рассуждению, не блещущие ни в кабинетной работе, ни в теоретических дискуссиях

ях, на поле боя преобразаются в знатоков своего дела. Таким был Анри Тюренн³, о котором нам известно, «что он учился с трудом, его ум казался медлительным и отсталым». Таким же был и Андре Массена⁴, чья речь, если верить Наполеону, «была безынтeресной», чей ум многие подвергали сомнению, но он «во время битвы мгновенно преобразался и демонстрировал военный дар, вызывавший восхищение». Скольких полководцев, блестящих теоретиков, военные действия заставляли врасплох, и сколько выдерживали эти испытания, так как выказали инстинктивные способности, не проявлявшиеся в мирное время?

Великие воители всегда осознавали роль и ценность инстинкта. Не было ли то, что Александр Македонский называл «своей надеждой», Цезарь «своей фортуной», Наполеон «своей звездой», простой уверенностью в особом даре, благодаря которому они вступали в достаточно тесные отношения с фактами реальности, чтобы главенствовать над ними? Очень часто эта способность сквозила в личности тех, кто был сильно одарен ею. Пусть в их словах или жестах и не было ничего исключительного, те,

кто сталкивался с ними, ощущали их естественную силу, которой должны были подчиняться события. Флобер выражает именно это впечатление, описывая юного Ганнибала, уже облеченного *«неизъяснимым величием тех, кому предначертаны великие свершения»*.

Однако, если внушения инстинкта необходимы для разработки плана, их недостаточно, чтобы придать ему точную форму. По своей природе эти внушения цельны, необработанны, иногда неотчетливы. Но ведь командир управляет подразделением, то есть сложной системой сил, которая обладает своими свойствами и ограничениями и которая не может развивать свою мощь, кроме как следуя определенному порядку. Именно здесь ум полностью вступает в свои права. Овладевая «сведениями», полученными от инстинкта, он разрабатывает их, придает им определенную форму, выраженную совершенно и последовательно. Затем метода делает эти сведения применимыми, располагая ценности в порядке важности, распределяя выполнение заданий во времени и пространстве, связывая различные операции и их фазы так, чтобы они успешно сочетались друг

с другом. Ум необходим, так как без него военные действия погрузились бы в хаос. Именно поэтому можно сказать, что лучше плохая метода, чем вовсе никакой.

Чтобы дойти до сути и отбросить все второстепенное, разложить действие на несколько фаз, распределить работу между всеми так, чтобы каждый содействовал достижению общей цели, командиру необходима способность охватывать целое, определять относительную ценность элементов, распознавать взаимосвязи и ограничения. Итак, эта способность синтеза

...Все великие люди действия были склонны к раздумьям. Все они в высшей степени обладали способностью уходить в себя, чтобы принять решение.

невозможна без мощной способности к рефлексии, ибо нельзя отличить главные черты от деталей, сопоставить ценности, не собрав все усилия мышления, так же как стереоскоп не способен различить объемность изображения, не сконцентрировав на нем фокус. Вот почему все великие люди действия были склонны к раздумьям. Все они в высшей степени обладали спо-

способностью уходить в себя, чтобы принять решение. Все они могли сказать, как Наполеон: «Военный должен уметь долго размышлять над одними и теми же предметами и не уставать от этого».

Итак, чтобы план был действенным, то есть приспособленным к обстоятельствам, для его разработки должны быть объединены усилия ума и инстинкта. Но при критике военных действий человеческое сознание редко признает, что каждая из этих двух способностей

...Чтобы план был действенным, то есть приспособленным к обстоятельствам, для его разработки должны быть объединены усилия ума и инстинкта.

играет в них необходимую роль и при этом одна не может обойтись без другой. Часто сознание пытается произвольно разрушить это равновесие и доверять лишь одной из этих способностей все бремя познания.

Иногда, признавая неспособность разума решить эту проблему в одиночку, некоторые даже приходят к выводу, что, раз самые высокие человеческие способности оказываются недостаточными для познания военных

действий, в действительности военные события вообще не подвластны человеку. «Следовательно, только случай, — говорят они, — решает судьбу битв. К чему тогда говорить о военном искусстве?» Философы и писатели охотно ссылаются на подобный скептицизм, и эта тенденция легко объяснима: люди, которые посвящают свое сознание исключительно умозрительным построениям, теряют чувство необходимости действия. Исследуя действия при помощи единственного знакомого им средства, а именно чистого разума, они прикрывают пренебрежительностью собственную неспособность к постижению.

Так, Сократ в споре с Никомахидом, сетующим на то, что народное собрание выбрало стратегом нечестного и бездарного человека, утверждает, что это не имеет совершенно никакого значения и что ничего бы не изменилось, если бы был выбран способный и добросовестный командующий. Правда, тот же Сократ, отвечая на вопрос Перикла о причинах плохой дисциплины в афинских войсках, возлагает ответственность за это на командиров, которые неспособны контролировать войска.

Так, Толстой в «Войне и мире» описывает, как Багратион при Голлабруне отдается во власть событий, которые, по его мнению, он не может изменить, и старается «делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями».

Так, Анатоль Франс приписывает следующее суждение Жерому Куаньяру: «Когда есть две армии, нужно, чтобы одна из них была разбита; отсюда следует, что другая непременно будет победительницей, и не обязательно, чтобы ее командующий обладал всеми чертами великого полководца или хотя бы одной. Как, — заключил аббат-философ, — распознать в этих столкновениях то, что есть результат искусства, и то, что происходит вследствие удачи?»

Мы также читали о короле Убю, который одержал победу, так как не занял вообще никакой диспозиции.

Действительно, иногда военные, преувеличивая относительную бесполезность ума, забывают им воспользоваться. Здесь в дело вступает склонность к

экономии усилий. Мы видим, как войска отворачиваются от интеллектуальной работы, даже гнушаются ее из принципа. Подобный упадок духа следует обычно за каждым большим победным усилием. Примером может служить прусская армия после Фридриха. В других случаях солдаты, на практике убеждаясь в том, что одних знаний недостаточно, полагаются лишь на вдохновение или на волю судьбы. Подобное состояние духа было свойственно французской армии Второй империи: «Все как-нибудь уладится!»

Часто, напротив, ум не признает за инстинктом его роль. Абсолютный владыка умозрительных построений, ум отказывается разделить с инстинктом империю действия и претендует на то, чтобы управлять ею единолично. Именно тогда, недооценивая характер военных действий, ум склонен применять к ним неизблемые и в то же время произвольные законы. Работая в мире устойчивых понятий, ум хочет вывести план с известными заранее константами, тогда как в каждом конкретном случае необходимо определять случайные и изменчивые факты.

Подобная склонность, надо заметить, исключительно характерна для французского духа. Французский дух, любознательный и понимающий, нуждается в логике, любит нанизывать факты на рассуждения, доверяет теории с большей охотой, чем опыту. Его естественные наклонности, усиленные догматизмом, присущим преподаванию, в соединении с имперскими чертами, характерными для военного сословия, привели у нас более, чем где-либо, к расцвету «ученых доктрин», которые, благодаря их умозрительному и непререкаемому характеру, одновременно соблазнительны и опасны и за которые мы заплатили такую высокую цену.

II

Вот план действий готов! Вплоть до этого момента усилия чисто статичны; они не выходят за границы сознания того, кто их совершает. Теперь необходимо, чтобы командир извлек эти усилия из своего сознания, проявил и предписал их.

Маршала Петэна⁵ как-то спросили, что, по его мнению, требует наибольших усилий в военных действиях. «Отдавать приказы!» — ответил он. В действительности во вмешательстве человеческой воли в цепь событий есть нечто бесповоротное. Идет ли проявление воли на пользу дела или во вред, на благо или нет, оно может вызвать бесконечное число последствий. Само ощущение этой отваги — значительный элемент устрашения. Многие чувствуют себя неловко, столкнувшись со смелостью в обычной жизни, и массы тех, кто испытывает последствия чужой смелости, неисчислимы по отношению к смельчакам. На войне принять решение намного труднее, ведь оно влияет на судьбу стольких несчастных жизней, и, как наверху, так и внизу, о нем судят только по его результатам! Ответственность приобретает здесь такой вес, что очень немногие в состоянии выдержать это бремя в одиночку. Вот почему даже высшие качества духа здесь вовсе не достаточны. Без сомнения, ум помогает на войне, без сомнения, инстинкт полезен, но в конечном счете решение относится к разряду моральных сущностей.

В действительности военные действия — это целое, в котором каждая фаза играет свою ограниченную роль. Кроме того, они должны управляться и определяться приказами, приходящими сверху. Но какими бы полными и точными ни были приказы, даже в случаях, когда они отданы и сообщены вовремя, они не могут и не должны предписывать все. Когда командир получает приказ о направлении своей операции, иногда он должен сам определить время и место приложения усилий. Это моральное действие тем более затруднительно, что оно вступает в очевидное противоречие с дисциплиной, что часто усугубляется властным темпераментом высшего по званию командира, который ограничивает инициативу и не позволяет подчиненным ничего, кроме строгого исполнения приказов. Вот почему командир, неспособный принимать решения, легко находит в плане операции, требующем чрезмерного повиновения, софизмы и мнимые аргументы, по его мнению, оправдывающие его бездействие. Под предлогом невозможности противостоять намерениям высшего командования, но, в сущности, единственно с целью защитить себя в

глазах других и своих собственных, он не приказывает ничего, кроме того, что ему уже было приказано властью более высокого уровня или уставом. Но, так как приказы высшего начальства не могут предписать все

Командир, неспособный принимать решения, легко находит в плане операции, требующем чрезмерного повиновения, софизмы и мнимые аргументы, по его мнению, оправдывающие его бездействие.

детали, а устав не может предусмотреть все частные случаи, результатом становится медлительность, парализующая подразделение, неспособность воспользоваться возможностями и приноровиться к обстановке.

Для более высоких эшелонов командования, которые всегда получают приказы весьма общего характера и которым тексты устава не дают ничего, кроме примерных указаний, подобная неспособность принимать решение оборачивается хронической слабостью и принимает облик инертности. Мы видим, как при Маджен-те Наполеон III, расположившийся со своими войсками у моста Сан-Мартино, целый день молча и пассивно, не пытаясь вмешиваться, наблюдал неравный бой, кото-

рый вела гвардия, затем узнал о беспорядке, охватившем войска Канробера и Ниэля, никак на это не отреагировав, констатировал отступление Мак-Магона, не пытаясь его предотвратить. Мы видим, как 16 августа 1870 года у Резонвиля маршал Канробер, пустив в ход свои подразделения у Тронвильского леса и прекрасно сознавая, что можно добиться решительного перевеса на правом фланге, если приложить там некоторые усилия, не сделал этого, так как не получил приказ. Он ограничил свои действия наблюдением за боем, не пытаясь им управлять, курил сигару за сигарой на своем командном пункте и с философским спокойствием созерцал долетавшие туда снаряды.

Иногда командир, неспособный принимать решения, за счет возбуждения придает себе видимость активности и, привязываясь к какой-нибудь детали, растрчивает свое желание повлиять на события на второстепенные и беспорядочные атаки. В том же Резонвиле маршал Базэн за целый день не занял ни одной позиции, не поставил перед своими войсками ни одной конкретной задачи, зато беспрестанно перемещался по полю боя, пре-

небрегая опасностью, и занимался тем, что где-то вел в атаку батальон, а где-то устанавливал батарею.

Напротив, в некоторых случаях, впрочем, намного более редких, мы можем наблюдать проявление чрезмерной инициативы, которая приводит к нарушению дисциплины и срыву общих усилий. Так, в первые дни сентября 1914 года командующий первой германской армией воспринимал ситуацию совершенно не так, как это делало высшее командование. Он не выполнял ничего, что не отвечало его собственным представлениям. 2 сентября генерал фон Клюк получил приказ «направить эшелон навстречу второй армии, которая находится слева от вас, и прикрыть справа всю группировку войск». Однако он продолжил движение вперед и никого не прикрыл. 4 сентября новый приказ: «встать напротив Парижа — то есть с востока, к северу от реки Марна». Фон Клюк переправился через Марну и продвинулся на юго-восток. Последствием стала неподготовленная атака на реке Урк и поражение. Но эта пагубная, излишняя независимость вовсе не была бы возможна, если бы сам главнокомандующий, генерал фон

Мольтке⁶, показал себя человеком энергичного характера и твердых решений. Если бы он не обосновался в Люксембурге — слишком далеко, чтобы осуществлять личный контроль, в котором он не видел пользы, и ес-

---

Дух предприимчивости необходим, чтобы увлекать за собой других. В действительности именно этот дух — средство, запускающее не просто заводные механизмы, а «людей, умело обращающихся с техникой».

ли бы он навязывал свою волю и не терпел возражений, все могло бы быть совсем по-другому. В конечном счете, чрезмерные проявления инициативы имеют первопричиной отсутствие решений на более высоком уровне или их слабость. Сама по себе предприимчивость командира никогда не бывает опасна.

К тому же дух предприимчивости необходим, чтобы увлекать за собой других. В действительности именно этот дух — средство, запускающее не просто заводные механизмы, а «людей, умело обращающихся с техникой». Эти люди боятся смерти, страдают от голода и жажды, бессонницы, непогоды. Некоторые из них отважны, другие нет; одни медлительны, дру-

гие проворны; некоторые доверчивы и преданны, другие — непокорны и завистливы. Одним словом, в них самих есть тысячи причин для разногласий. Чтобы заставить их действовать единодушно, совершенно недостаточно, чтобы командир составил в собственном уме план необходимых действий и затем превратил его в приказ; он должен воздействовать на души, должен обладать авторитетом.

Эта необходимая власть включает, правда, постоянный элемент, установленный человеческим опытом: дисциплину. Сила вещей, закон и привычка налагаются на военных более или менее жестко, в зависимости от национального темперамента, ограничений обстоятельств и духа времени, но они действуют всегда, с момента зарождения армии. Дисциплина означает, что между командиром и подчиненными заключается некоторого рода соглашение. Подразумевается, что подчиненные обязаны подчиняться командиру и что каждый должен прилагать все усилия для осуществления того, что ему предписано иерархией. Именно этим устанавливается первичная добрая воля, которая обеспечивает ми-

нимальную сплоченность. Но для командира недостаточно связать исполнителей своих приказов схемой безличного подчинения. Он должен оставить свой живой след в их душах. Задеть их волю, овладеть ею, воодушевить их, чтобы они сами обратились к цели, которая им определена, усилить и преумножить следствия дисциплины за счет духовного воздействия, выходящего за рамки рассуждений, выкристаллизовать вокруг себя всю скрытую веру, надежду, самоотверженность, что есть в душах, — вот в чем заключается эта власть.

Так ум, инстинкт, власть командира делают военные действия тем, чем они являются. Но чем еще являются эти способности, если не самой личностью, ее ресурсами, ее мощью? Значит, при прочих равных условиях, какова ценность личности, таковы и военные действия. В таком случае подготовка к войне — это прежде всего подготовка командиров, и можно сказать, что армиям, как и народам, обладающим прекрасными командирами, все остальное будет дано с лихвой.

Такой отбор командиров, который в принципе все одобряют, на практике сталкивается с многочисленны-

ми трудностями. Мы воюем редко, и, за исключением периодов смуты, вроде Революции, когда рушатся иерархии, радикально меняется характер борьбы и всеобщая жажда обновления делает возможной смену коман-

---

Глубинной побудительной причиной активности лучших и самых сильных людей является желание приобрести власть.

дования, мы воюем с командирами, обученными и назначенными в мирное время. Приходится признать, что последнее обстоятельство мало способствует отбору личностей.

Прежде всего, когда мирное время длится долго, отбор наилучших командиров становится затруднительным. Глубинной побудительной причиной активности лучших и самых сильных людей является желание приобрести власть. Без сомнения, никакая власть не сравнится с властью военного командира, и, так как вероятность когда-нибудь воспользоваться этой властью привлекает решительных, народам с военными традициями удастся получить для своих войск достойных командующих. Но в поколениях, которые не думают, что им при-

дется воевать, очень мало мужчин из числа лучших останавливают свой выбор на военной карьере, тем более что в мирный период солдатам, которые считаются малополезными, предоставляются ограниченные моральные и материальные условия. Естественно, что тогда люди с сильной волей, смелым духом, закаленным характером обращаются к карьерам, которые ведут к политической власти и положению в обществе.

После договоров 1815 года Франция почувствовала, что для Европы возможен долгий период мира. Лучшая часть французской молодежи предпочла блистать в политике, красноречии, умозрительных рассуждениях, искусствах, и поколение, которое дало Луи Тьера, Робера де Ламенне, Огюста Конта и Луи Пастера⁷, в дни великой опасности 1870 года выставило лишь очень посредственных генералов. После этой катастрофы Франция была уверена, что когда-нибудь ей представится случай загладить свой позор, и элита французской молодежи дала армии плеяду великих полководцев, которые привели ее к победе. Сейчас амбиции обращаются к деловой активности, деньги являются сегодня явным

знаком власти, и французы охотно обманывают себя тем, что законы и международные соглашения смогут предотвратить новую войну.

В любом случае, как только в армию завербованы люди, способные быть командирами, необходимо распознать их достоинства и сделать так, чтобы высот достигли лучшие. Трудная и щекотливая задача! Ведь если служба в мирное время и позволяет в определенной мере оценить ум и даже авторитет командиров, она совершенно не дает возможности измерить их военный инстинкт. Без сомнения, маневры и учения дают полезный материал для развития проницательности и способности прини-

---

Сейчас амбиции обращаются к деловой активности, деньги являются сегодня явным знаком власти.

мать решения. Но этот материал условен: он питается скорее теорией, чем фактами, которые невозможно проверить в этих вымышленных условиях. В учениях не хватает главной санкции — неизбежных последствий реальных действий, и чаще всего ничто не позволяет отличить реальную способность от квалификации, которая являет-

ся лишь иллюзией. Здесь можно оценить скорее способность к обучению, а не творческий инстинкт, скорее искусство видеть, а не проникать в суть вещей, скорее гибкость ума, а не понимание. Как сказал Герхард Шарнхорст⁸, «в мирные времена механически организованные сознания торжествуют над теми, которые обладают гением или чувством».

Ярко выраженные характеры обычно бывают жесткими, неприятными, даже яростными.

К тому же мощные личности, созданные для борьбы, испытаний, великих событий, не всегда явно проявляют свои достоинства и не обязательно обладают той поверхностной привлекательностью, которая располагала бы к ним в обычной жизни. Ярко выраженные характеры обычно бывают жесткими, неприятными, даже яростными. Даже если массы признают их превосходство и воздают им должное, их редко любят и, как следствие, им редко покровительствуют. По карьерной лестнице чаще продвигают тех, кто умеет нравиться, а не тех, кто этого действительно заслуживает.

Наше время не слишком благоприятно для формирования и отбора военачальников. Следствием невероятных испытаний, перенесенных в недавнем прошлом, стали упадок воли, ослабление характеров, падение морали, которые настраивают общественное мнение против военных. Поэтому есть ли кто-нибудь в самых высоких военных эшелонах, кто не спрашивал себя, как некогда одна прославленная женщина: «Почему я здесь? Я не знаю! Вся вековая надежда погибла!..» В эти дни сомнений не должна прерваться цепь французской военной силы или уменьшиться доблесть и рвение тех, кто должен ею управлять.

* * *

¹ «Все течет, все меняется» — высказывание, приписанное Гераклиту Эфесскому.

² Бергсон Анри (1859–1941), выдающийся французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни, главной книгой которого стала «Творческая эволюция» (1907).

³ Тюренн Анри де Ла Тур д'Овернь (1611–1675), племянник и ученик полководца Морица Оранского, на службе Франции с

1630 г., герой Тридцатилетней войны, маршал Франции (1643).

- ⁴ Массена Андре (1758–1817), командующий авангардом Наполеона во время Итальянской кампании, маршал. После 1811 г. в кампаниях не участвовал, после реставрации Бурбонов — пэр Франции.
- ⁵ Петэн Анри Филипп (1856–1951), маршал Франции, герой Первой мировой войны. Командовал войсками под Верденом. Во время Второй мировой войны — глава коллаборационного режима Виши.
- ⁶ Мольтке Хельмут Карл (Старший) (1800–1891), граф (1870), германский генерал-фельдмаршал (1871) и военный теоретик. В 1858–1888 годах — начальник Генерального штаба, фактически главнокомандующий в войнах с Данией, Австрией и Францией. Проводил идеи неизбежности войны, внезапного нападения и молниеносного разгрома противника путем его окружения.
- ⁷ Тьер Луи Адольф (1797–1877), журналист, политик, дипломат, премьер-министр и президент Франции. Ламенне Фелисите Робер де (1782–1854), французский христианский мыслитель, публицист, переводчик Евангелия. Конт Огюст (1798–1857), ученик и секретарь Сен-Симона, автор «Курса позитивной философии» и «Системы позитивной политики», основоположник социологии. Пастер Луи (1822–1895), великий естествоиспытатель, основатель современного учения об инфекционных болезнях.

⁸ Шарнхорст Герхард Иоганн Давид (1755–1813), прусский генерал (1807). Во время войны с Францией в 1806-м — начальник штаба главнокомандующего. С 1807-го директор военного департамента, начальник Генштаба и председатель комиссии по реорганизации армии. Значительно улучшил организацию армии и подготовку офицеров, осуществил прогрессивные изменения в тактике, сокращение срока службы, создание обученного резерва, подготовил введение воинской повинности (1813).

Ο ΧΑΡΑΚΤΕΡΕ

Запах мира изменился.

Жорж Дюамель¹

Французская армия имеет долгую историю. Для нее, как для Гамлета, «день не так юн!» Однако в любые времена мы видим ее мощной только под воздействием идеала, проистекающего из чувств, преобладавших в ту или иную эпоху, и черпающего в этой гармонии свое достоинство и влияние.

Около середины XVII века королевская власть, поборов феодальную раздробленность, повела за собой французское общество во всеобщем стремлении к единству. Нравы отличала склонность к порядку, законности, искусствам, размышлению. Благодаря усилиям великого министра эта склонность захватила и армию. Лувуа² сделал войска постоянными, ввел униформу и вооружение установленного образца, регла-

ментировал маневры, обязал командиров постоянно находиться при войсках, кодифицировал управление, иерархию и продвижение по службе. Он организовал маршруты перемещения и места расположения частей, разработал систему снабжения, создал систему фортификации, подчинил стратегии маршалов пред-

---

Последующий век стал свидетелем рождения и роста волны идей и чувств, которые дали начало нашим институтам.

писаниям единого плана, одним словом, сделал дисциплину главным движущим принципом вооруженных сил. Под воздействием духа времени он соединял противоположные желания людей, скрепляя их узами общей страсти, а именно — служения королю. Из единства, осуществленного таким образом, рождается блеск военного величия.

Последующий век стал свидетелем рождения и роста волны идей и чувств, которые дали начало нашим институтам. Старые принципы утратили свою силу, а новые еще не восторжествовали. Это был долгий и

трудный переходный период, в течение которого французское общество оставалось морально расшатанным.

Армия испытала последствия этого нарушенного равновесия. Признаки дезорганизации стали заметны уже в войну за австрийское наследство³. Во время Семилетней войны⁴ зло проявилось совершенно явно: интриги в высшем командовании, нерадение и взяточничество среди офицеров, отсутствие дисциплины в войсках. Военное превосходство перешло на сторону Пруссии, где великий король сумел внушить своей армии, как и всему государству, любовь к порядку и преданности.

Разнородная армия Революции, состоявшая из старых, разрозненных войсковых частей, позднее смешавшихся с добровольцами и мобилизованными солдатами, в течение многих месяцев страдала от духовной сумятицы, которая будоражила всю Францию и наконец привела к перевороту 1793 года. Но вскоре армия, очищенная испытаниями, приобрела новый пыл, и новую тактику, и новую организованность. Начиная со второго года революционного

французского летоисчисления в ней состоят «патриоты», то есть с любовью к родине соединились жажда инициативы, гордость, уверенность и бескорыстие. Стали заметны хорошие манеры. Те, кто носил оружие Республики — и Лазарь Гош⁵, и Фрикасс, — старались выказывать благородную простоту, несколько вычурную строгость, подчеркнутое презрение к почету и наградам. Таков в особенности тон армий Рейна и Мозеля. Возможно, это было притворство, но благотворное и очень хорошо сочетавшееся со славой.

Военные установления, отвечающие характеру войны: рекрутский набор, реквизиция материалов, дивизионная организация — уже были созданы к тому моменту, когда главой Франции стал Первый консул. Бонапарту оставалось лишь извлечь из них все возможное. Но законодательные положения, которые предоставляли ему личный состав, организацию и средства для маневров, были для него совершенно недостаточными. Он хотел, чтобы воюющие были объединены общей страстью и порывом к сияющим миражам сла-

вы. Любовь к свободе уже не имела достаточного влияния на французов в седьмой год и дисциплина ослабла, но нация была исполнена чувства величия. К этому чувству из-за недавнего разрушения классов и устоев общества добавилась жажда личного возвышения. Итак, властитель прибег к чувству чести. Практический гений императора превзошел себя в побуждении соперничества за честь. Он насыщал им моральную мощь Великой армии.

Двадцать пять лет распрей и войн, десять следующих друг за другом режимов, чередование невероятных успехов и плачевных провалов и в конце два иностранных вторжения, беспорядочное бегство военных и капитуляция правителей к 1815 году повергли Францию в бездну скорби. Эти события потрясли и разделили сознания. Армия после этих событий уже не находила мощной, выдающейся добродетели, которая могла бы собрать ее воедино. Однако она более чем когда-либо нуждалась в объединении, так как слишком долгие испытания и их печальный исход довели разочарованность и упадок духа в ее ря-

дах до крайности. Было необходимо связать воедино звенья, часто находившиеся в противостоянии, из которых заново формировался состав армии: обремененные опытом солдаты великих войн, надменные и угрюмые; давние или недавние эмигранты, стремящиеся хорошо себя зарекомендовать, но стесняющиеся самих себя; молодые люди, призванные к оружию эхом великих воспоминаний, для которых служба обернулась бесславной карьерой. Нужно было смягчить новый тип военных — людей из народа, завербованных на семь или восемь лет против их воли. Одним словом, было необходимо оживить единой верой разочарованную армию, утешить Жана-Роша Куанье⁶, укрепить Бюжо⁷ и придать стойкости Виньи. Так как этого не произошло, французская армия в течение полувека шла по бесперспективному пути. Несомненно, в армии не было недостатка в самоотверженности. Войска, которые завоевали Алжир, взяли Севастополь, освободили Италию и принесли наши флаги в Испанию и Мавританию, Антверпен, Анкону, Сирию, Мексику, Китай, Рим, в из-

бытке обладали военными доблестями. Но им недоставало того высшего порыва, который умножает усилия. В 1870 году, во время войны с непредвиденными условиями, столкнувшись с противником, который горел возвышенным национальным духом, командиры и войска не смогли противопоставить событиям ничего кроме пассивной силы и покорности судьбе, полной отваги.

Невзгоды родины возродили общественный дух. Впредь в общественном мнении господствовала решимость пойти на любые жертвы, чтобы избежать нового поражения. Страна терпела всеобщую военную обязанность сроком в несколько лет, неудобные периоды службы для резервистов, расходы на армию и флот, которые достигли половины бюджета страны, и многочисленные военные ограничения, ставшие бременем для многих регионов, городов и для самой столицы. В гармонии с этим самоотречением после 1870 года основной чертой армии становится культ общенациональных интересов. Служить ради служения, не ради похвалы и без рассуждений — вот каким был тон эпо-

хи. Несколько поколений офицеров с гордостью принимали тяжелые условия жизни, маленькое денежное довольствие, абсурдно медленное продвижение по службе. Половина офицеров тратила 35 лет на безвестный труд на младших офицерских званиях, выше которых им не удавалось подняться. По примеру офицеров унтер-офицеры смирялись со своей судьбой, не ожидая от профессии ничего, кроме одобрения своей преданности. Солдаты отвечали на монотонные приказы поразительной доброй волей, не требуя за свои страдания ничего, кроме возвращения домой и справки о хорошем поведении. В самом деле, в первые годы XX века некоторые признаки указывали на начало упадка, но в целом основной чертой духа армии между двумя войнами оставалось бескорыстие. Дух самоотверженности, который армия сумела продемонстрировать во время недавних великих испытаний, напрямую происходил из них.

И вот снова французская армия без отдыха и жалоб работает над собственным воссозданием. Обновление наших великих войск, как всегда, отвечает условиям

времени. Но эволюция институтов, модернизация оснащения, сама реформа сознания не будут эффективны, если одновременно не наступит духовное возрождение. Сегодняшним солдатам, как и солдатам недавнего прошлого, требуется культ, который объединил бы их, возвысил и придал им рвения. Необходимо, чтобы доблесть дала военным обновленный идеал, сообщила им через их элиту единство стремлений, возродила их пыл и оплодотворила талант.

Характер станет этим катализатором, Характер — добродетель сложного времени.

II

Перед лицом испытаний человек с сильным характером полагается на самого себя. Он стремится наложить на военные действия свой отпечаток, взять на себя ответственность, сделать действия своим делом. Он далек от мысли укрыться за

иерархией, спрятаться за уставами, прикрыться донесениями, он встает в полный рост, твердо держится на ногах и поворачивается лицом к опасности. Он вовсе не хочет игнорировать приказы или пренебрегать советами, но у него есть рвение и жажда принимать решения. Он прекрасно осознает опасности и их последствия, но оценивает их добросовестно и принимает их без лукавства. Прекрасно и то, что он вступает в военные действия с гордостью повелителя, ведь если он в них участву-

---

Перед лицом испытаний человек с сильным характером полагается на самого себя.

ет, значит, они принадлежат ему; он наслаждается успехом, для достижения которого сделал все, что должен, и из которого не извлек выгоды, и несет бремя любых поражений не без чувства некоторого горького удовлетворения. Одним словом, борец, обладающий внутренним пылом и собственной точкой опоры, игрок, стремящийся к результату, а не к выгоде, и отдающий свои долги из собственных денег, человек с характером придает военным действиям благородство; без него они — мрачный

труд раба, а с ним — божественная игра героя. Это, конечно, не означает, что он осуществляет военные действия в одиночку. В них также участвуют люди, не лишенные достоинства самоотречения или подчинения и готовые щедро тратить свои страдания ради выполнения того, что им приказывают. Некоторые из них вносят вклад в разработку плана — теоретики или советники. Но именно характер является высшим элементом, творческим звеном, божественной точкой в умении действовать. Так же как талант накладывает на произведение искусства особую печать понимания и выражения, так и Характер отпечатывает свой динамизм на элементах военных действий. Поэтому действия, в которых участвует Характер, принимают его индивидуальные черты. Он духовно оживляет их, дает им жизнь, как талант одухотворяет материю в сфере искусства. Такая способность оживлять военные действия предполагает также умение принимать на себя их последствия. Трудности привлекают человека сильного характера, так как именно преодолевая их, он реализует себя. Но сможет ли он решить трудную задачу или нет — это вопрос только между ним

и ею. Ревнивый любовник, он никогда не делится тем, что она ему дает, или тем, чего она ему стоит. Он ищет в том, что с ним происходит, в трудных задачах, терпкую радость ответственности.

Очевидно, что страсть самостоятельной деятельности сопровождается некоторой грубоватостью поведения. Личности с сильным характером присуща суровость, необходимая для совершения усилий. Подчиненные испытывают эту суровость на себе и иногда жалуются на нее. Кроме того, волевой командир держит дистанцию, так как власть не бывает без авторитета, а авторитет — без отчуждения. Под его властью тихо ворчат о его высокомерии и требовательности. Но во время военных действий у него не остается критиков! Желания, надежды устремляются к нему, как железо к магниту. В кризисных ситуациях следуют именно за ним, именно он берет ношу в свои руки, пусть даже ему придется их сломать, и взваливает ее на свою спину, пусть даже он ее надорвет. В свою очередь, доверие подчиненных возвышает человека с характером. Он чувствует себя обязанным тому смирению, которым они ему платят. Его стойкость отме-

рена с излишком, но такова же и его благосклонность, ведь он прирожденный защитник. Если операция удаётся, он щедро вознаграждает подчиненных, а в случае неудачи никогда не соглашается с тем, что в ней виноват кто-то из нижестоящих. Ему платят уважением за то, что он придает уверенность.

Волевой командир держит дистанцию, так как власть не бывает без авторитета, а авторитет — без отчуждения.

Но у такого командира редко складываются хорошие отношения с командующими более высокого ранга. Уверенный в своих суждениях и осознающий свою силу, он совершенно лишен желания нравиться. Тот факт, что он черпает решительность и стойкость из самого себя, а не из приказа, часто не позволяет ему пассивно подчиняться. Он требует, чтобы ему давали задание и оставляли его господином своей зоны ответственности, но это требование невыносимо для многих командующих, которые из-за своей неспособности объять целое разрабатывают каждую деталь и питаются формальностью. В конце концов, они боятся его дерзости, которая не щадит ни

рутины, ни душевного покоя. «Гордый, недисциплинированный», — говорят о нем люди посредственные, обращаясь с чистокровным жеребцом, как с клячей, которая отказывается идти вперед, совершенно не осознавая, что резкость характера является обычной чертой мощных натур, что опираться можно только на то, что оказывает сопротивление, и что стойкие и беспокойные сердца предпочтительнее душ покладистых и лишенных энергии.

Но как только события принимают серьезный оборот, приходит опасность и общее спасение требует инициативы, любви к риску, твердости, перспектива сразу же меняется, и устанавливается справедливость. Что-то вроде глубинной волны выносит человека сильного характера на первый план. Его советам следуют, его талант восхваляют, его начинают ценить по праву. Именно ему, естественно, поручают самое трудное задание, основное усилие, решающую миссию. Все, что он предлагает, принимается во внимание, все, что требует, предоставляется. При этом он не злоупотребляет своим новым положением и проявляет великодушие с того само-

го момента, как его призывают на помощь. Едва вкусив от своего реванша, он целиком погружается в военные действия.

В этом единодушном обращении к Характеру, когда того требуют обстоятельства, проявляется человеческий инстинкт. В сущности, все понимают высочайшую ценность подобной мощи. Все чувствуют, что она является главным элементом военных действий. В конечном счете, необходимо, следуя словам Цицерона, *«изучать каждую вещь по самым совершенным ее образцам»*, и где мы видим, чтобы великие человеческие свершения осуществлялись без проявления страсти к действию одного из людей сильного характера? Александр Македонский не завоевал бы Азию, Галилей не доказал бы вращение Земли, Колумб не открыл бы Америку, Ришелье не восстановил бы королевскую власть, Николя Буало⁸ не заложил бы правил классического вкуса, Наполеон не основал бы империю, Фердинанд Лессепс⁹ не прорыл бы канал, Бисмарк не объединил бы Германию, Жорж Клемансо¹⁰ не спас бы родину, если бы они поддались советам низменной осторожности или внушениям трусли-

вой скромности. Более того, те, кто совершил что-то великое, часто бывали вынуждены пренебрегать видимостью внешнего подчинения дисциплине. Так, Пелисье¹¹ в Севастополе убрал в карман депеши с угрозами императора, чтобы прочитать их только после того, как будет завершена операция. Так, Шарль Ланрезак¹² вопреки полученным приказам прекратил бой при Шарлеруа, чтобы спасти свою армию. Так, Луи-Юбер Лиотей¹³ удерживал все Марокко в 1914 году наперекор указаниям командования. После Ютландского сражения и упущенного англичанами шанса уничтожить немецкий флот лорд Фишер, министр морского флота Великобритании, получив доклад адмирала Джеллико, написал о нем с грустью: *«У него есть все качества Нельсона, кроме одного: он не умеет не повиноваться приказам!»*

Само собой разумеется, чтобы добиться успеха, великим людям требуется множество качеств. Характер, если он ничем больше не сопровождается, не рождает никого, кроме смельчаков и упрямцев. Но и, напротив, самые высокие качества духа ничто без характера. История дает нам примеры сотен персонажей, наделенных

редкостными талантами, но лишенных характера, чьи усилия остались бесплодными. Они блестяще служат другим или предают их, но сами ничего не создают; находятся в самом центре событий, но не накладывают на них свой отпечаток; они становятся известными, но не прославленными. Мало кто лучше Эммануэля Сийеса¹⁴ постиг теорию государственных учреждений. Полный

...Те, кто совершил что-то великое, часто бывали вынуждены пренебрегать видимостью внешнего подчинения дисциплине.

идей, щедрый на советы, заседавший в ассамблеях в то самое время как новая Франция ценой небывалого кризиса рождалась из старой — что он совершил за время революционных лет, кроме того, что «прожил их»? Анри Жоли, касаясь карьеры Талейрана и подчеркивая «точность видения, проницательность, широту предвидения, знание людей», которыми обладал этот дипломат, отмечает, что тот не сделал ничего великого в столь благоприятную эпоху, и приводит по этому поводу суждение Тьера: *«Любивший нравиться больше, чем противо-*

речить, имевший скорее наклонности, чем мнения... он был лишен твердости влияния и решимости духа». Генерал Луи Трошю¹⁵, славившийся среди современников умом и знаниями, участвовавший еще в молодости в ве-

---

Характер, если он ничем больше не сопровождается, не рождает никого, кроме смельчаков и упрямцев.

ликих делах, где он приобрел много опыта, оказался на вершине власти в решающий для родины момент. У него было все, чтобы сыграть великую роль в национальной истории, кроме смелости взять на себя эту роль и твердости удерживать ее.

III

Совершенно очевидно, почему от эпохи к эпохе Характер поочередно то превозносят, то держат на расстоянии. В спокойные времена люди могут позволить себе жить как им нравится, воздают должное этой неудобной добродетели, однако к

ней не прибегают. Но как только нужно возродить характер, все начинают громогласно его призывать.

Итак, наш век, едва переваливший за треть, увидел две следующие друг за другом радикально непохожие эпохи, переходом между которыми было не что иное, как война. Нашим современникам приходится делать немалое усилие, чтобы представить прежние времена: эру стабильной экономики, благоразумия; общество утвержденных прав, традиционных партий, крепких семей; режим устойчивых доходов, фиксированного жалованья, справедливо рассчитанных пенсий; эпоху трехпроцентных бумаг, подвижной шкалы, старого оборудования и регламентированного приданого. Аллегорическая пара, символизирующая новый век — конкуренция и технический прогресс, — положила конец этой мудрости и уничтожила эту мягкость. Война превратила естественный ход вещей в бурный поток и трансформировала человеческие потребности. Чтобы удовлетворить запросы властных и капризных масс, человеческая деятельность усложняется и ускоряется. Успех, мода, прибыль становятся все более эфемерны-

ми. Каких клиентов можно сохранить, какая репутация устойчива, сколько времени автомашина останется современной? За коротко стриженные волосы Фортуны стало сложно ухватиться, но теперь за ней гонятся все, даже те, кто еще недавно ждал ее, полеживая в постели.

Эти новые условия жизни привели к росту в общественном мнении тенденций, которые до этого были редкими или подавлялись. Сто лет французское общество прожило в страхе перед тем, что оно рискует рано или поздно стать жертвой перемен.

Но вот появляется жажда деятельности, страсть к приключениям, желание обновления. Быть чиновником, удобно устроиться, имитировать успешность — таким был некогда наш идеал. Зарабатывать большие деньги, преодолевать огромные расстояния, избегать исхоженных путей — вот наш сегодняшний идеал. Взамен традиции, устава и шаблона нам необходимы новые критерии мышления и действия. Никто не осуждает большие расходы, все хотят последнюю модель, никто больше не раздумывает, прежде чем сесть на па-

роход. Чтобы жить безмятежно, мы привлекали всю мудрость мира; теперь жизнь — это пробег, в котором каждый хочет показать все, на что способен. В то время как деятельность французов принимает подобный оборот, как сможет армия сохранить неизменными моральные нормы прошлого? Поскольку наш век выше всего ценит индивидуальное действие и желание рисковать, нужно, чтобы военные, если они хотят

За коротко остриженные волосы **Фортуны** стало сложно ухватиться, но теперь за ней гонятся все, даже те, кто еще недавно ждал ее, полеживая в постели.

избежать изоляции, в свою очередь, выше всего чтит инициативу и чувство ответственности. Конечно, они не должны пренебрегать другими добродетелями, но настало время, когда военные должны ставить Характер выше всех других достоинств, требовать его прежде всего остального, культивировать его в первую очередь, сделать его своим критерием оценки. Только так армия сможет избавиться от несомненно присущего ей педантизма в выборе методов, запаз-

дывания в принятии решений, чрезмерной жесткости, которая угрожает со временем отторгнуть ее от собственной эпохи, оттолкнуть от нее лучших, настроить против нее сегодняшнюю элиту.

К тому же веяния, которые перевернули мир, вполне естественно изменили и условия существования военных. Войска, штабы, органы управления еще недавно удовлетворялись единообразным техническим обеспечением. Те, кому за сорок, еще застали пехоту, вооруженную одним типом винтовки, полевую артиллерию, применяющую одну модель артиллерийского орудия, кавалерию, вооруженную саблями, средства связи, ограничивающиеся ногами пеших связных и лошадьми фельдъегерей. Они еще помнят подразделения, неизменные в своей организации, постоянный призыв, фиксированный и однородный командный состав, единые потребности для всех. В связи с этим командовать, строить тактические комбинации, передавать указания, управлять было относительно просто. Поскольку военные действия не обладали особым разнообразием, к ним успешно применялись централизо-

ванное управление и несложные приемы. И хотя инициатива иногда была необходима и даже приветствовалась, решения проблем чаще всего можно было кодифицировать — уставом, доктриной или традицией.

Во время Первой мировой войны сила вещей навязала другую систему. Стало необходимо постоянно менять стратегию и тактику, требовать личных усилий, продвигать на высшие ступени людей, которых недавно еще держали на расстоянии. Раньше каждый командир, даже самого младшего звания, получал свою задачу, которую он должен был выполнять под градом снарядов и пуль, в решение которой никто больше не вмешивался и за которое отвечал он один. И самый не приметный солдат — пехотинец в атаке, часовой в траншее, пеший связной взвода — полностью владел своим участком военных действий, где все зависело от него. Где бы они ни находились, они старались быть мастерами своего дела, то есть людьми, которые, невзирая на риск, делали то, что должны были делать, и по собственному разумению вносили вклад в исполнение общего долга.

Подобная необходимость отступила вместе с войной, и армия рисковала поддаться инерции. Тем не менее новые элементы военных действий, усложнение техники, изменчивость обстоятельств заставили армию пойти по другому пути. Пехота теперь соединяет в сражении разные по сложности действия 15 видов войск, использует 20 методов связи. Если я не ошибаюсь, что весьма вероятно, артиллерия имеет в своем распоряжении 68 моделей орудий, которые, в зависимости от обстоятельств, перемещаются при помощи лошадей, разнообразных тягачей, грузовиков разной грузоподъемности, товарных платформ нескольких моделей. Кавалерия теперь снабжена автоматическим оружием и моторами. Подразделения инженерных войск делятся на 16 категорий, каждая из которых использует особое оборудование. Оружие стремительно эволюционирует: самолеты и танки постоянно модифицируются и соответственно изменяется их применение. А как передать сложность некоторых вспомогательных служб: связи, снабжения, транспорта? Методы использования, взаимодействие, эффективность

всех этих средств также варьируются в зависимости от противника, территории, ландшафта... Вопреки уставам, испытаниям и учениям никогда раньше способность и привычка действовать самостоятельно не была для солдата более важной. Беда нам, если мы позволим угаснуть этому пламени! Армия во время военной кампании будет лишь вялой массой, неспособной двигаться, слишком тщательно сделанным механизмом, в котором ничто не будет работать.

К тому же с момента установления мира жестокие последствия быстро дадут о себе знать, и неспособность действовать станет хронической. Возможно, этот порок и можно спрятать во времена стабильности, но он и очевиден, и непростителен в период возрождения, когда все нужно существенно преобразовывать, если не переделывать заново. Когда командный состав, в котором сосредоточена жизнь армии, переживает постоянную эволюцию, когда структура подразделений, система призыва, личный состав, гарнизоны, способы управления меняются год от года и от места к месту, когда число особых случаев становится

бесконечным, если сверху донизу исчезнет инициатива, уменьшится стремление к ответственности, исчезнет отвага прямо высказывать свое мнение и ослабнет характер, армия будет поражена параличом. Вся протяженность иерархии, все ее беспрестанно укрепляемые ступени будут тратить силы на то, чтобы наверху

Неадекватные меры, устаревшие решения и, как следствие, всеобщий скептицизм, искаженная дисциплина — вот чего придется ждать.

заниматься тем, что нужно решать на месте. Чрезмерное регламентирование, противоречивое и тщательное до абсурда, ежедневно изменяемое и исправляемое, куча проектов без будущего, прогнозов, заранее опровергнутых, вопросов, постоянно нуждающихся в изучении, множество ничего не значащих мнений, отчетов, изложений фактов для проформы, бессмысленных требований — вот чем будет поглощена деятельность армии. Неадекватные меры, устаревшие решения и, как следствие, всеобщий скептицизм, искаженная дисциплина — вот чего придется ждать.

Но стоит каждому на своем уровне захотеть действовать самостоятельно, согласуясь с фактами, а не с текстами устава; прилагать все усилия, чтобы делать свое дело, а не нравиться командованию; не скрывать своих мыслей, когда их необходимо высказывать, чего бы это ни стоило; стоит всем и наверху, и внизу рассчитывать на характер, выделять и требовать его, взывать к нему, и мы увидим, что класс военных возродится и восторжествует. Каждая проблема, когда ею будут заниматься на месте и чаще всего разрешать ее на месте, не будет больше требовать запуска тяжелого и скрежещущего механизма. Предписания станут более

Каждая проблема, когда ею будут заниматься на месте и чаще всего разрешать ее на месте, не будет больше требовать запуска тяжелого и скрежещущего механизма.

редкими, и результаты соответственно улучшатся. Растущие трудности военного ремесла будут вызывать больше усилий, но меньше жалоб. И так как результат, как и должно быть, станет для военных главной побудительной силой, мы увидим, что военная профессия

привлечет и удержит самых закаленных, а значит, уверенных людей, которые в противном случае отвернутся от нее, не найдя в ней достаточных составляющих для удовлетворения своей способности к действию. Главным образом мы увидим, что благодаря этому тонизирующему средству армия восстановит свою духовную силу.

Сейчас для армии настали тяжелые времена, и причин для сомнений много: гибель лучших, победа, кото-

---

Многие из тех, кто выражает общественное мнение и одновременно управляет им, прикрывают пустыми похвалами и вялыми протестами свою пресыщенность и равнодушие.

рая, едва взлетев, сложила крылья, материальные заботы, нестабильность. Некоторая помощь, правда, приходит извне, но страна в целом, измученная лязганьем оружия, избавленная от военных тревог, на время отвернулась от военных. Многие из тех, кто выражает общественное мнение и одновременно управляет им, прикрывают пустыми похвалами и вялыми протестами свою пресыщенность и равнодушие. Некоторые об-

лачают свое недоброжелательство или угрызения совести в иронию. Нападки других выдают их злобу. Действительно, как сказал Клемансо: *«Худшее страдание для души — это равнодушие»*. Если мы не приведем армию в порядок, эти невзгоды скоро повергнут ее в упадок.

Суровая школа Характера сможет вернуть военным их веру и гордость. Закаленные таким образом, они смогут без тревог ждать, когда переменчивость судьбы сыграет им на пользу, когда пройдут горькие дни и дух времени снова станет к ним благосклонен, как ветер, расправляющий ветви дерева после того, как согнул его до земли.

* * *

¹ Дюамель Жорж (1884–1966), врач, участник Первой мировой войны, писатель, путешественник, автор, среди прочего, *«Путешествия в Москву»* (1927).

² Франсуа Детелье, маркиз Лувуа (1641–1691), военный министр Людовика XIV в течение четверти века.

³ Война между европейскими державами за австрийское наследство началась после смерти Карла VI и продолжалась с 1740 по 1748 год.

- ⁴ Семилетняя война (1756–1763) возникла в результате борьбы Великобритании с Францией за колонии в Северной Америке и Ост-Индии.
- ⁵ Гош Лазарь (1768–1797), генерал Республики, командующий Мозельской армией.
- ⁶ Куанье Жан-Рош (1776–1850), капитан императорской гвардии, оставивший знаменитые воспоминания о наполеоновских войнах.
- ⁷ Бюжо де ла Пикорни, Тома Робер, герцог Ислийский (1784–1849), французский маршал, с 1840 года генерал-губернатор Алжира, в 1844-м разбил войска Марокко при Исли.
- ⁸ Буало Николя (1636–1711), французский поэт, критик, теоретик классицизма.
- ⁹ Лессепс Фердинанд Мари де (1805–1894), французский дипломат, предприниматель. Автор проекта и руководитель работ по сооружению Суэцкого канала в 1859–1869 годах.
- ¹⁰ Клемансо Жорж (1841–1929), французский политический и государственный деятель.
- ¹¹ Пелисье Жан-Жак (1794–1864), французский маршал (с 1855). Отличился в Крымскую войну при взятии Малахова кургана, в 1860–1864 годах — генерал-губернатор Алжира.
- ¹² Ланрезак Шарль-Луи-Мари (1852–1925), французский генерал, командующий пятой армией в Первую мировую войну.
- ¹³ Лиотей Луи-Юбер (1854–1934), французский маршал.

- ¹⁴ Сийес Эммануэль Жозеф (1748–1836), церковный и государственный деятель, писатель.
- ¹⁵ Трошю Луи Жиль (1815–1896), французский генерал, участник Алжирской и Севастопольской кампаний, военный губернатор Парижа в 1870 году, глава «правительства национальной обороны» во время осады города.

ОБ АВТОРИТЕТЕ

В своей груди носить собственную славу.

Вилье де Лиль-Адан¹

Наши времена трудны для власти. Нравы пробили в ней брешь, законы стремятся ее ослабить. В домах и мастерских, в государственных учреждениях и на улицах власть вызывает скорее нетерпимость и критику, чем доверие и подчинение. Оскорбляемая снизу всякий раз, когда она себя проявляет, власть начинает сомневаться в себе, действует нерешительно, применяет свои рычаги невпопад, с колебаниями, предосторожностями, оправданиями или, напротив, с чрезмерными понуканиями, жесткостью и формализмом.

Это разложение следует за упадком морали, социального и политического порядка, который уже не-

сколько веков назад установился в наших старых нациях. По убеждению или по расчету, мы давно при-

---

Люди, в сущности, могут обойтись без управления не больше, чем без еды, питья и сна. Эти политические животные нуждаются в организации, то есть в порядке и вождях.

писывали власть высокому происхождению, права, которые оправдывали иерархию, — элите. Здание этих условностей покрылось трещинами и начинает рушиться. В своих шатких верованиях, безжизненных традициях, истощенной преданности наши современники больше не находят ни вкуса к давней почтительности, ни уважения к старым правилам.

«Наши боги одряхлели и впали в нищету».

Подобный кризис, каким бы всеобщим он ни казался, не сможет длиться долго. Люди, в сущности, могут обойтись без управления не больше, чем без еды, питья и сна. Эти политические животные нуждаются в организации, то есть в порядке и вождях. Пусть власть сейчас колеблется на расшатанном фундаменте, рано или поздно естественное равновесие

вещей предоставит власти новые основы. Они будут лучше или хуже прежних, но во всяком случае пригодны для установления новой дисциплины. Более того, такие основы уже можно распознать: это ценность каждого индивида и авторитет некоторых. Значение и вес, которые массы еще не так давно признавали за происхождением или функцией, сейчас переносятся только на тех, кто смог заставить себя уважать. Кому из законных властителей подчинялись

...Во время эпохи разлада, внутри общества с порушенными правящими классами и расшатанными устоями условности подчинения ослабляются и личный авторитет командира становится главным ресурсом управления.

так, как диктатору, вознесшемуся ниоткуда лишь благодаря своей дерзости? Какая установленная власть накладывала такой сильный отпечаток на свою деятельность, как сегодняшнее индивидуальное мастерство инженера? Кого из завоевателей так шумно приветствовали, как наших атлетов, которые добились успеха собственными усилиями?

Эта трансформация власти не может не повлиять на военную дисциплину. В армии, как и в других местах, говорят о том, что «уважение иссякает». Скорее оно перемещается. Командир, на какой бы ступени он ни находился, должен гордиться тем, что за ним следуют благодаря его достоинствам, а не статусу. Больше не стоит путать власть и ее атрибуты.

Но это совершенно не означает, что в дисциплину больше не входит ни один из элементов, из которых она складывалась еще недавно. Люди не меняются так быстро и так значительно, и природа не развивается скачками. Власть над другими все еще во многом зависит от звания и службы. И, напротив, с давних пор признание власти господина помогает людям подчиняться. Но во время эпохи разлада, внутри общества с порушенными правящими классами и расшатанными устоями условности подчинения ослабляются и личный авторитет командира становится главным ресурсом управления.

II

Свойства эмоционального порядка, способность убеждать, производить хорошее впечатление, внушать другим симпатию некоторого рода и авторитет зависят в первую очередь от врожденного дара, природной способности, которая не поддается анализу. В действительности некоторые люди от рождения источают, так сказать, флюиды авторитета, складывающегося непонятно из чего, и он даже удивляет тех, кто подвергается его воздействию. Дело здесь обстоит так же, как с любовью, которую невозможно объяснить иначе как действием неизъяснимого очарования. Более того, не всегда существует соответствие между истинной ценностью индивидов и их властью. Есть люди поразительного ума и достоинств, совершенно лишенные ореола, которым наделены другие, хотя и менее одаренные умом и сердцем.

Но даже если в авторитете содержится элемент, который невозможно приобрести, который происходит из сущности человека и зависит от его личности, все

же можно различить в нем некоторые постоянные и необходимые составляющие. Их можно приобрести

...Необходимо, чтобы в замыслах, манере держаться, движениях мысли авторитетного человека оставался элемент, не поддающийся пониманию других, который их интриговал бы, волновал и держал в напряжении.

или по крайней мере развивать. Командиру, как артисту, для военного ремесла необходим особый дар.

И, кроме того, авторитет не может обойтись без тайны, ведь мы мало чтим то, что слишком хорошо понимаем. Во всех культах есть свои скинии, и человек не бывает великим для своих слуг. Поэтому необходимо, чтобы в замыслах, манере держаться, движениях мысли авторитетного человека оставался элемент, не поддающийся пониманию других, который их интриговал бы, волновал и держал в напряжении. Конечно, это не значит, что нужно закрыться в башне из слоновой кости, игнорировать своих подчиненных, оставаться для них недостижимым. Совсем наоборот, власть над душами требует внимательного всматрива-

ния в эти души, чтобы каждый подчиненный мог верить, что его выделяют из числа других. Но при условии, что это проникновение в души сочетается с умением держать принятые решения при себе, хранить в секрете некую неожиданность, которая может состояться в любой момент. Скрытая вера простаков довершит дело. С того момента, как подчиненные убедятся в способности командира прибавлять к эффективности знакомых подходов весь вес своих индивидуаль-

---

...Власть над душами требует внимательного всматривания в эти души, чтобы каждый подчиненный мог верить, что его выделяют из числа других.

ных достоинств, он завоюет их доверие, надежду и тайное уважение.

Подобная душевная сдержанность обычно сопровождается сдержанностью жестов и речи. Это, возможно, лишь видимость, но именно на ней большинство основывает свои мнения. К тому же случайна ли связь между внутренней силой и внешним обликом людей? Опыт военных всегда придавал значение манере поведения.

И между тем как младшие командиры искренне стремятся хорошо себя держать перед своими солдатами, высшие командующие тщательно продумывают свое вмешательство в ход военных действий. Они делают из этого целое искусство, которое очень хорошо передал Флобер, описывая в «Саламбо» воздействие, которое оказало на колеблющихся солдат рассчитанное появление Гамилькара². Каждая страница «Комментариев о галльской войне» доказывает, что Цезарь продумывал каждый свой публичный жест. Мы знаем, что Наполеон тщательно заботился о том, чтобы всегда показываться в таком облике, который поразил бы умы.

Трезвость речей подчеркивает выразительность внешнего облика. Ничто так не выделяет авторитет, как молчание — сияние сильных и убежище слабых, сдержанность гордых и гордость смиренных, благоразумие мудрых и ум простаков. Человек, который чего-то сильно хочет или боится, естественным образом дает выход своей тревоге в словах. Если он поддастся этому искушению, это лишь усилит его страсть или страх. Кроме того, говорить — значит излагать свои

мысли, растрачивать свой пыл, одним словом, рассеиваться в тот момент, когда действие требует концентрации. В конце концов, между молчанием и порядком существует необходимая связь. «Берегитесь!» — кричат войскам, прежде чем пустить их в ход. А так как все, что исходит от командира, в высшей степени зарачительно, он порождает спокойствие и внимательность, при условии, что он молчит. К тому же люди ин-

---

Ничто так не выделяет авторитет, как молчание — сияние сильных и убежище слабых, сдержанность гордых и гордость смиренных, благоразумие мудрых и ум простаков.

стинктивно не доверяют многословным повелителям. *Imperatoria brevitās*, говорили римляне. Уставы всегда предписывали краткость приказов, и мы слишком хорошо видим сегодня, как власть терзает сама себя волнами бумаг и потоками речей.

Правда, этот закон молчания во время военных действий не согласуется с представлениями, распространенными среди масс. В этом отношении существует своего рода литературный стереотип, согласно которому

военные события должны быть напыщенными и велеречивыми. Романы, пьесы, фильмы постоянно представляют нам героев, произносящих речи и жестикулирующих во время командования своими войсками. Реальность опровергает эту абсурдную условность. Возможно, словесное возбуждение командира и может иногда порождать в подчиненных воодушевление на краткое время, но лишь ценой большой путаницы. В действительности никто из тех, кто совершил великие победы, не добивался их при помощи болтовни. Конде³ в сражении у Рокруа, еще совсем молодой и кипящий пылом, окруженный людьми, готовыми впитывать его речи, сел на коня, осмотрел поле боя и просто объехал ряды, не произнеся не слова. Этот знак заставил солдат почувствовать, что он рожден не только принцем крови, но и полководцем. Гош, который стал главнокомандующим в возрасте 24 лет, в эпоху риторики, рано оценил молчание. «Он возмужал до времени благодаря привычке командовать, — пишет его биограф, — и его бурная горячность и блестящая речь уступили место холодному достоинству и лаконичности». Кто был молчаливее Бона-

парта? Когда он стал императором, он иногда излагал свои мысли, но лишь по поводу политики; в своей функции военачальника он, напротив, оставался бесстрастным. Великая армия брала пример со своего повелителя. «Я знал, — пишет Виньи, — офицеров, замыкавшихся в монашеском молчании, уста которых открывались, лишь чтобы передать приказ. Во времена империи такое поведение отличало практически всех высших офицеров и генералов». Солдаты Первой мировой тысячи раз демонстрировали свое недоверие по отношению к командирам, которые заклинали и разглагольствовали, и разумное уважение к тем, кто внушал им спокойствие молчаливым командованием.

Однако систематическая сдержанность командира не производит впечатления, если она не сопровождается решительностью и пылом. Есть невозмутимые люди, которые какое-то время кажутся сфинксами, а потом — идиотами. Авторитет рождается из контраста между внутренней мощью и умением владеть собой, так же как элегантность в азартной игре заключается в том, чтобы, поднимая ставки, казаться все хладнокров-

нее, и как проникновенность актерской игры зависит от умения актера сдерживать эмоции. Морису Барресу⁴ было достаточно увидеть изображение Александра Македонского на монете, чтобы различить в его спокойствии и горячности, его царственности и грозности источник авторитета, который в течение 13 лет среди невыразимых испытаний удерживал в узде ревнивых офицеров и беспокойных солдат и заставил принять эллинизм весь дикий и развращенный мир.

Впрочем, от командира прежде всего ожидают умения господствовать над событиями, накладывать на них свой отпечаток, принимать на себя ответственность за их последствия. Возвышение человека над другими не может быть оправдано, если он не придает импульс общему делу и не гарантирует ему присутствие характера. Иначе за что командир получал бы привилегию господства, право отдавать приказы, гордость за то, что ему повинуются, тысячи знаков почтения и льготы, сопутствующие власти, львиную долю чести и славы победителя? И как оплатить все это, если не риском, который командир берет на себя? Пови-

новение было бы невыносимым, если бы тот, кто его требует, не извлекал из него ничего эффективного. Но разве смог бы он извлечь эту пользу, если бы не имел смелости принимать решения и действовать?

Массы, желающие анархии, быстро осознают свою ошибку, так как, лишенные господина, они страдают от собственной шумливости. Самые опытные моряки не выйдут из порта, если некому управлять их маневрами, и четыре силача вместе не поднимут оглоблю, если никто не будет задавать ритм их усилиям. Перед лицом военных действий толпа испытывает страх,

---

Массы, желающие анархии, быстро осознают свою ошибку, так как, лишенные господина, они страдают от собственной шумливости.

дурные предчувствия каждого многократно приумножаются за счет предчувствий других. «Страх — это движущая сила сборищ». Шарль Ардан дю Пик⁵ показал, как страх преследует войска. Вот почему энергия командира укрепляет подчиненных, как наличие спасательного круга успокаивает пассажиров судна. Все

хотят знать, что круг на месте и что в случае опасности можно будет за него уцепиться.

Следовательно, авторитета нет у второразрядных лиц, всего лишь занимающих ступень в иерархии, у паразитов, которые все поглощают и ничего не дают взамен, у трусов, дрожащих под своими одеялами, у поверенных, которые изменяют своим убеждениям без промедлений и угрызений совести. Таким людям часто удается сбросить карьеру функционера или портфель министра и обеспечить себе продвижение по службе. Они даже получают, при случае, почет, обусловленный обычаями или правилами, которым хвастался канцлер Паскье⁶, «несмотря на 13 присяг, которые он принял». Но вера умных и симпатия пылких не поддаются на их лощеные манеры. Вера и симпатия принадлежат только командирам, которые целиком отдаются военным действиям, выполняют трудные задачи, задействуют все, на что способны. От таких людей исходит некий магнетизм, вызывающий доверие. Для тех, кто следует за ними, они олицетворяют цель, воплощают надежду. Преданность подчиненных, сосре-

доточенная на их личности, приравнивает успех к счастью оправдать их ожидания. «Будем ли мы счастливы сегодня?» — спрашивает Цезарь у центуриона, и тот отвечает: «Ты победишь! Что до меня, сегодня вечером, живой или мертвый, я заслужу похвалу Цезаря». Победа при Ганау обрадовала Куанье⁷, потому что «это был еще один счастливый день для императора». Необходимо также, чтобы замысел, в который погружен командир, носил отпечаток его величия. Речь на самом деле идет о том, чтобы удовлетворить тайные желания людей, которых их слабость заставляет жаждать совершенной цели, людей, которые ограничены своей природой, питают себя бесконечными желаниями и, осознавая свое ничтожество, сливаются в коллективном действии при условии, что оно стремится к чему-то великому. Нельзя добиться усилий, если у людей нет этого стремления.

Все те, кто ведет за собой толпу, умеют этим пользоваться. Это основа красноречия: нет оратора, который не осенял бы самый бедный тезис ореолом великих идей. Это рычаг деловой активности: все проспе-

кты банков ссылаются на прогресс. Это трамплин партий, каждая из которых не перестает взывать к всеобщему счастью. Приказы командира, следовательно, должны носить возвышенный характер. Он должен целить высоко, видеть масштабно, мыслить широко, выделяясь таким образом из общей массы, которая барахтается в узких рамках. Он должен олицетворять

Все те, кто ведет за собой толпу, умеют этим пользоваться. Это основа красноречия: нет оратора, который не осенял бы самый бедный тезис ореолом великих идей.

пренебрежение к обстоятельствам, в то время как массы посвящают себя тревогам о мелочах. Он должен устранить все мелочное из своих манер и образа действия, на что обычные люди не обратили бы внимания. Это вовсе не вопрос добродетели, ведь евангельское совершенство не ведет к власти. Невозможно представить себе человека действия без большой дозы эгоизма, высокомерия, жесткости, коварства. Но все это ему прощается, и он даже приобретает от этого больше блеска, если делает эти качества средст-

вом осуществления великих свершений. Таким образом, удовлетворяя тайные желания людей, компенсируя эту зависимость от себя, командир прельщает подчиненных, и даже если он упадет на пути, то сохранит в их глазах восторг перед вершинами, к которым он собирался их вести. Но если он ограничивается приземленными стремлениями, довольствуется малым, только это он и получит! Он может быть хорошим слугой, но не повелителем, к которому направлены вера и мечты.

В действительности можно заметить, что вожди — политики, пророки, военные, которые добиваются больше других, отождествляют себя с высокими идеями и привлекают из них широкие народные движения. При жизни за ними следуют из-за их величия, а не ради выгоды, позднее их слава измеряется не пользой, которую они принесли, а масштабностью их деяний. Между тем как здравый смысл иногда осуждает их, чувства их восхваляют. В состязании великих людей Наполеон всегда останется одним из первых. И даже некоторые персонажи, которые не сделали ничего, кроме как жестоко подави-

ли какой-нибудь мятеж или бесчинства, сохраняют в глазах потомков мрачную славу, если их преступления были совершены во имя некоей высшей необходимости.

Сдержанность, характер, величие — эти условия авторитета требуют от тех, кто к нему стремится, усилий, которые отталкивают большинство. Это непрерывное самоограничение, этот постоянный риск подвергают личность испытаниям вплоть до самых тайных фибр души. Поэтому те, кто заставляет себя пройти через это, находятся в состоянии внутренней борьбы, более или менее острой в зависимости от темперамента. Она по-

---

...Вожди — политики, пророки, военные, которые добиваются больше других, отождествляют себя с высокими идеями и извлекают из них широкие народные движения.

стоянно причиняет боль душе, как власяница с каждым шагом терзает тело кающегося. Здесь мы касаемся вопроса сложно объяснимого отшельничества: люди, которые добились всего и которым за это устроили бурные овации, внезапно сбрасывают с себя это бремя. Кроме того, держась в стороне от других, командир лишает се-

бя радостей, которые дают непринужденность, раскованность, привязанность. Он обрекает себя на то чувство одиночества, которое, согласно Эмилю Фаге⁸, является *«несчастьем высших людей»*. Власть исключает то состояние удовлетворения, скрытого покоя, просчитанной радости, которое принято называть счастьем. Приходится принимать одну из сторон, и это жестокий выбор. Отсюда происходит та меланхолия, которой пропитано все величественное: люди в той же мере, что и вещи. Кто-то сказал Бонапарту у древнего и благородного памятника: *«Как это грустно!»* — а тот ответил: *«Да, грустно, как величие!»*

III

Дух времени не только опрокидывает основы индивидуального авторитета, но и продолжает проламывать брешь в вековом престиже устоявшихся институций. Присущие им качества ощутимо не изменились, но критика и непочтитель-

ность подступают к ним все ближе и бьют по ним все беспощаднее.

И первой от этого унижения страдает армия. Она особенно к этому чувствительна, ведь вскоре ее ожидают огромные усилия. Профессиональные солдаты удивлены и возмущены ухудшением моральной ситуации. Конечно, это в высшей степени несправедливо, и от этого рискует пострадать родина. Но что поделать? Элита, как и отдельные индивидуумы, больше не обладает престижем права. Чтобы снова обрести себя, армия более нуждается в огромном внутреннем усилии, чем в законах, требованиях и мольбах.

Как выдающаяся личность, которая для поддержания своего статуса старается сохранять дистанцию от окружения, армия для начала должна восстановить свою сдержанность, умение быть выше всего, одним словом, ту особую манеру, которая всегда ее отличала. Само собой разумеется, никакие внешние формы поведения не придадут ей подобной выразительности. Необходима глубинная сила, насыщен-

ное сияние которой вызывает почтение, а именно — военный дух.

Люди приспособились к закону вечной зависимости. Они по собственной воле утратили право жить там, где нравится, говорить то, что они думают, одеваться так, как хочется. Теперь достаточно одного приказа, чтобы заставить их оставаться на месте, отправить их куда-нибудь, разлучить с семьями, ущемить их интересы. Одно слово командира вынуждает их под-

---

Люди по собственной воле утратили право жить там, где нравится, говорить то, что они думают, одеваться так, как хочется.

няться, маршировать, бежать, бросает их в непогоду, лишает сна и еды, ставит их на часы вопреки страшной усталости. Эти люди не распоряжаются своей жизнью — пусть их руки и ноги будут сломаны, останки рассеяны. Их функция — быть солдатами.

От начала мира армии уготовано это тяжелое предназначение, это жертвенное призвание, и она видит в нем смысл своего существования и наслаждается им.

Это поле, которое она возделывает в одиночку, отдавая урожай другим. Но как жить в разоренном имении и преследовать высший идеал, не имея порядка в собственных чувствах, своеобразного образа мысли, особенного кодекса ценностей и отношений? Силу оружия невозможно представить без особого духа, который бы организовывал и оживлял ее.

Именно этот дух, выделяя солдат из общей массы, содействует их престижу. Массы испытывают по отношению к ним уважение, порождающее огромную моральную силу. Суровость и сплоченность военных никогда не перестанет поражать людей. Невозможно переоценить, насколько литература, театр, музыка, живопись, скульптура, архитектура и танец обязаны восхищением военной силой, стойкой и победоносной. Не стоит забывать историю, легенды, образы и песни прошлого, которые являются достаточным свидетельством того, какое влияние оказывало на толпу великолепие оружия. Что же до настоящего, этот дух можно заметить, наблюдая за играми детей или за тем, как народ застывает перед гробом марша-

ла Франции или бежит посмотреть на марширующие войска.

Во время войны военный дух дает моральный капитал, с которым мы прекрасно чувствуем себя.

Конечно, мы не всегда склонны признаваться в этом, и еще менее — после того как опасность миновала. Многие публичные выступления, книги или фильмы легко заставляют нас поверить, что во время больших испытаний каждый действует сам по себе и по-своему; отсюда, впрочем, проистекают условность, бессвяз-

---

Во время войны военный дух дает моральный капитал, с которым мы прекрасно чувствуем себя.

ность и непоследовательность, присущие подобным изображениям боев, совершенно не соответствующие безличному, механистичному и подавляющему ходу действительности. Но оставим эти ошибки демагогам. Профессионалы хорошо знают, что в ужасах войны в сущности эффективными были лишь коллективные способности. В некоторых обстоятельствах имело смысл использовать почти всегда одни и те же подраз-

деления. Возможно, редкие представители элиты и позволяли себе быть связанными по сути солдатским долгом стремления к идеалу, который ничем не был обязан оружию, но большинство несчастных, сражающихся людей невозможно удержать на месте или получить от них столько самозабвения, доверчивости и покорности без военного духа, который отдавал их во власть всеобщего согласия.

После окончания войны эту ни с чем не сравнимую силу солдат попросту оставили без внимания. Чтобы ее оживить, нужна была некая физическая и моральная концентрация, которой так требовало состояние вещей. Французская армия, доведенная преобразованиями до предела, платила внутренней силой за то, что приобретала от своего роста. Ее расчлененная иерархия, без конца меняющаяся организация, личный состав, находящийся в постоянной мутации, плохо принимают слишком подвижных и слишком рассеянных людей. Пучок корпусов и подразделений, порождающий особые военные связи, которые постоянно разрывали, а потом создавали заново, больше не предостав-

лял воинам необходимых условий постоянства, конкуренции и напряжения. В то же время подобная путаница, бесконечно преумножавшая зависимость от деталей, поглощала активность командиров и солдат за счет тысяч запросов, записей, нарядов и технических заданий. Вместо твердой и сжатой субстанции, из которой армия еще в недавнем прошлом формировала свои отряды, она получила в распоряжение лишь пыль из изолированных единиц, которую она месила с большим трудом. Как только ее окончательно перегруппируют и сделают устойчивой, армия сможет сосредоточиться на самой себе, начать культивировать то, что ее всегда отличало, и обновить военный дух.

Итак, наша эпоха предлагает армии за эту огромную работу соревнование новых тенденций. Сегодня индивидуализм — это заблуждение. Повсюду видна необходимость объединения. Нет такого предприятия, которое не становилось бы корпорацией. Партии говорят только о правилах и исключениях. В спорте образуются федерации и составляются команды. В то же время спрессованный и стремительный образ жизни навязы-

вает в мастерских, бюро, на улице дисциплину фактов, суровость которой в свое время заставила взбунтоваться наших отцов. Механизация и разделение труда вынуждают прихотливое смешение и фантазию с каждым днем отступать все дальше. Какими бы ни были задачи и условия, сила вещей для всех делит тяжелый труд и

Сегодня индивидуализм — это заблуждение. Повсюду видна необходимость объединения. Нет такого предприятия, которое не становилось бы корпорацией. Партии говорят только о правилах и исключениях.

отдых на равные части. Образование стремится к унификации. Жилища становятся все более похожими. От Сиднея до Парижа и Сан-Франциско платья кроют по одной выкройке. Как бы не дошло до того, что даже лица начнут походить одно на другое. Даже не идя так далеко, как Метерлинк, заключивший, что человечество постепенно превращается в муравейник, легко заметить, что оно относится к независимым и свободным людям с осуждением. Армии ничего не остается, как извлечь пользу из этой эволюции. В любом случае в

войсковых объединениях, приказах, учениях и униформе нет ничего, что бы противоречило веку синдикатов, правил дорожного движения, системы Тейлора и больших магазинов.

Но как представить себе обновление армии, если она не восстановит свой прежний пыл и уверенность? Так же как человеку для завоевания уважения недостаточно самой искусной сдержанности, если за ней не кроется решительный характер, самая закрытая и священная элита не будет иметь авторитета, если ей не хватает веры в самое себя и в свою судьбу. С того дня, как французское дворянство направило свой пыл на защиту своих привилегий вместо того, чтобы ревностно управлять государством, победа Тьера была заранее предрешена.

Достоинство силы ничего не стоит без доблести военной веры. Но не колеблется ли это пламя?

После безмерных потрясений народы ненавидят войну искреннее, чем когда-либо. Это бедствие проклинаяют в первую очередь французы, пострадавшие больше других народов, уже добившиеся побед и не

желающие прибавить ничего к тому, чем владеют. Подобное состояние общественного мнения само по себе полезно. Это хорошо, когда народы испытывают угрызения совести, ведь если бы люди в своей массе мечтали только о том, чтобы истребить друг друга, их раса давным-давно бы прекратила существование. Но из-за последствий войны на военных переносится часть отвращения, которое у людей вызывают битвы. Это явление антропоморфизма одного порядка с тем, что заставляет бояться одновременно и дантиста, и зубной боли. То, что некоторые люди посвящают свою жизнь подготовке к испытаниям, которых никто не хочет, постоянно портит настроение толпе. Тем более так, поскольку профессионалы если и оплакивают войну с человеческой и умозрительной точки зрения, тянутся к полю боя, которое открывает им карьерные возможности, и питают к военным проблемам технический интерес, в сущности, достаточно неприятный для тех, кто ничего не ждет от войны.

Впрочем, никому не выгодно, чтобы современная мистика подавляла или унижала тех, кто держит меч

Франции. Какие гарантии этот осыпанный благами народ предоставляет тем, кто следит за остротой французского оружия? Эта нация, которой грозит опасность, это государство, у которого такие границы, что всего одна проигранная битва делает столицу уязвимой для пушек врага? Вот почему, принимая в расчет будоражащие надежды века, солдаты должны привнести в свое искусство всю свою убежденность и гордость. И кстати, продолжая оплакивать беды, которые влекут за собой армии, как не восхвалять их колоссальную роль? Их дело — разрушать. На их счету ужасный итог разрушенных жизней, уничтоженного имущества, государств, стертых в порошок. Не счесть, сколько трудов они пустили по ветру, сколько усилий свели на нет, скольким благополучным жизням помешали. Нераспаханные земли, пожары, голод — вот плоды деятельности армий. Но скольким людям их защита позволила родиться и жить? Есть ли племя, поселение, нация, которые были бы основаны без их содействия? Чтобы урожай мог расти, ремесленник производить, их должны охранять армии! И какой матери-

альный прогресс не связан с их предназначением? Как измерить, насколько богатства, пути сообщения, корабли и машины обязаны желаниям завоевателей?

Оружие всегда было инструментом варварства. Оно обеспечивало триумф самой тяжелой материи над духом. Оно постоянно угнетало разум, осмеивало здравый смысл, губило таланты. Нет таких ошибок, которые не защищало бы оружие. Нет невежд, которые не прибегали бы к нему, и нет изуверов, которые бы им не бряцали. Однако сияние, исходящее от оружия, очень часто освещало и интеллектуальную сферу. По зову оружия наука и искусство открыли людям источники удивительных знаний и вдохновения. Цель высших умозаключений, объект самых достойных изысканий — оружие заслужило любовь гениев.

Нет таких ошибок, которые не защищало бы оружие. Нет невежд, которые не прибегали бы к нему, и нет изуверов, которые бы им не бряцали.

Оружие будит в глубине сердец самые грязные и низкие инстинкты. Оно призывает к убийствам, пита-

ет ненависть, возбуждает алчность. Оно подавляет слабых, превозносит недостойных, поддерживает тиранию. Его слепому гневу мы обязаны провалами лучших проектов и самых благородных движений. Оно без устали разрушает порядок, губит надежды, отправляет пророков на смерть. Тем не менее, даже если Люцифер придумал такое применение оружия, мы видели его и в руках архангела. Какими добродетелями оно обогатило духовный капитал людей! С ним достигают высот смелость, самоотверженность, величие души. Благородство бедных, прощение виновных, оно подвигало самых заурядных людей на самоотречение, возвращало честь подлецам, достоинство рабам. Оружие несет идеи, проводит реформы, расчищает путь религиям, оно распространяет по миру все, что может его обновить, сделать лучше или утешить. Не было бы эллинизма, римского порядка, христианства, прав человека, современной цивилизации, если бы не кровопролитные усилия оружия.

Оружие терзало мир, но также и формировало его. Оно совершало и хорошее, и дурное, порождало низ-

менное столь же часто, как и великое, то сеяло ужасы, то сияло во славе. Его постыдная и величественная история — это история человечества. Оно распространено повсеместно, многообразное и вечное, как мысль и действие.

Некоторые иллюзии могут заставить поверить в то, что роль солдат, столь важная в прошлом, постепенно сходит на нет и что мир сегодня наконец может обойтись без них. Подобная теория, распространившаяся среди поколения, политическая, социальная, экономическая и духовная судьба которого управлялась не чем иным, как пушечными выстрелами, сама по себе кажется весьма странной. Между тем она дает массам благотворное утешение. Но как солдаты могут позволить себе поддаться этому заблуждению? Эти люди, от которых так много требовали на протяжении 12 лет, которые должны были охранять Рейн, оккупировать Франкфурт, Дюссельдорф, Рур, оказывать поддержку полякам и чехам, жить на Силиции, в Мемеле, в Шлезвиге, надзирать за Константинополем, наводить порядок в Марокко, подавлять Абд аль-Крима⁹, гасить восстание в Тазе¹⁰, про-

тивостоять сахарским реззу¹¹, закрепляться в Леванте, изгонять Файсала¹² из Дамаска, располагаться у Тигра и Евфрата, подавлять восстание у Джебель-Друза¹³, показывать силу во всех наших колониях в Африке, Америке, Океании, сдерживать в Индокитае скрытые волнения, защищать среди мятежей и революций наши учреждения в Китае. Эти солдаты империи, которая без них рухнула бы мгновенно, эти офицеры, которые тысячами гибли во время военных кампаний после перемирия, в которых наша армия потеряла больше, чем в битвах при Кульме, Аустерлице, Йене и Эйлау вместе взятых — больше, чем погибло в 1870 году начиная с утра битвы при Вейсенбурге и до вечера при Сен-Прива. Во имя чего, по какой причине эти люди утратили бы свою гордость? А что касается международного порядка, который наша эпоха пытается создать, можно ли представить его без военной силы, которая бы его устанавливала и обеспечивала? Гордость оружия еще никогда не была столь оправданна и столь необходима.

Это убежденность тем не менее была бы бесплодной в самой армии и невыносимой за ее пределами,

если бы профессионалы не восстановили свою самоотверженность. В самоотречении есть некий неизбывный элемент величия. В действительности существует удивительная, но несомненная связь между самоотречением индивидуумов и величием целого. Наших ближних, склонных по своей природе преследовать личные интересы, тем более поражает вид целого, каждая часть которого отходит на второй план ради коллективной гармонии. Это верно для монумента, сада, оркестра, кордебалета. Это верно и для отряда, который производит впечатление главным образом своим хорошим построением и порядком рядов. Это верно для армии, чей блеск держится на жертвах, которые она заставляет приносить своих членов. Этот вид престижа армии никогда не оспаривался. Время идет, дела делаются, и эфемерные доктрины ничего в этом не меняют. Обнаружив на берегу Евфрата руины римского лагеря, наш современник испытывает те же чувства, что и путешественник в III веке. Несмотря на ненависть, вызванную амбициями Корсиканского чудовища, вся Европа пела «Двух

гренадеров» Гейне. Неистовство недавних сражений не мешает с уважением отдавать честь могилам вражеских солдат; и сегодня даже те, кто громче всех прокликает войну, не упускают случая напомнить, как отважно они сражались.

Приходится признать, что в ходе последних лет профессионалы выказывали некоторое недовольство своей зависимостью. Несомненно, это постоянное умерщвление личных интересов всегда вызывало жалобы у тех, кто ему подвергался. Это даже естественно, ведь во Франции военный человек должен ворчать и брюзжать в некотором роде по определению. Но когда-то это было всего лишь поверхностным недовольством. В глубине души военные прекрасно осознавали, что их честь сочетается с жертвами. Недавно это понимание

Постоянное умерщвление личных интересов всегда вызывало жалобы у тех, кто ему подвергался.

стало казаться менее ясным. В рядах армии пусть даже мнимое равнодушие к материальным ценностям и целомудрие амбиций также уже не столь распростране-

ны. Военные больше не считают нужным скрывать свой карьеризм и даже стремление к наживе.

Причины этих тенденций легко объяснимы. В армии, расшатанной военными потерями более какого-либо другого государственного института, чрезмерные испытания последних лет не могли не спровоцировать определенные реакции. И в то время как условия жизни заставили солдат беспокоиться о денежном довольствии, о котором они когда-то могли не думать, само рвение эпохи, которая гонится за прибылью, утяжелило цепи их самоотречения. Но если вкус к прибыли и конкуренции может считаться благотворным для общества, вынужденного восстанавливать свои утраченные богатства, будет очень досадно, если совершенно справедливое недовольство военных примет форму разочарования и зависти. Воины, как все люди, не лишены некоторых движений души, но, сознаваясь в них или, что еще хуже, выставляя их напоказ, они сами разрушают свой пьедестал.

Впрочем, армия скоро обретет новую благотворную атмосферу для восстановления жертвенников самоот-

речения. Эпоха, когда культ денег исключает все другие культы, скоро закончится. Весы событий стремятся к равновесию, и в грохоте банкротств, скандалов и судебных разбирательств духовные ценности возвращаются к нам в ярком ореоле общественного признания. Без сомнения, зависимость военных скоро не будет казаться более тяжелой, чем когда-либо, и в армии найдется много преданных людей, которые, так уж случилось, не считают ни того, что дают, ни того, что получают.

Весы событий стремятся к равновесию, и в грохоте банкротств, скандалов и судебных разбирательств духовные ценности возвращаются к нам в ярком ореоле общественного признания.

Как водные растения, которые восхищали Франсуа де Кюрея¹⁴ своим волнующим ростом и стремлением к поверхности, где свет призывает их к цветению, колеблющаяся во тьме французская армия отправится, возвысившись над самой собой, на поиски жара и света престижа. Тяжелый труд, но за него она наверняка будет вознаграждена, ведь солнце так необходимо!

* * *

- ¹ Лиль-Адан Вилье де (1838–1889), французский писатель, аристократ, ненавидевший буржуазные порядки, мистик и оккультист, автор «Жестоких рассказов», драм и фантастических романов.
- ² Гамилькар Барка (?–229 до н. э.), карфагенский полководец во время Первой Пунической войны, завоеватель Испании, отец полководцев Гасдрубала и Ганнибала.
- ³ Конде Луи II Бурбон (1621–1686), принц, французский полководец. Победы, одержанные им в период Тридцатилетней войны, способствовали заключению Вестфальского мира (1648). Страстный поклонник «настроения» в военных операциях, но верный последователь Тюренна в организации армии.
- ⁴ Баррес Морис (1862–1923), французский писатель, идеолог реванша за поражение 1870 года, автор романа «Кульм «Я» и трилогии «Роман национальной энергии».
- ⁵ Ардан дю Пик Шарль (1821–1870), полковник французской армии, исследователь военной психологии.
- ⁶ Паскье Этьенн-Дени (1767–1862), французский политический деятель.
- ⁷ Автор «Записной книжки капитана Куанье, солдата Империи».
- ⁸ Фаге Эмиль (1847–1916), французский историк литературы, автор литературоведческих работ и множества афоризмов.
- ⁹ Абд аль-Крим (1882–1963), вождь восстания рифских племен Марокко против французских и испанских колонизаторов и глава созданной Рифской республики (1921–1926).

¹⁰ Таза — провинция и одноименный город в Марокко.

¹¹ Реззу (арабск.) — налет с целью грабежа на селения в Сахаре.

¹² Файсал I (1883–1933), король Сирии (в 1920) и Ирака (1921–1933) из династии Хашимитов.

¹³ Джебель-Друз — вулканический горный массив на юге Сирии.

¹⁴ Кюрель Франсуа де (1854–1927), французский драматург.

О ДОКТРИНЕ

На войне есть принципы, но их мало.

Томас Роббер Бюжо¹

Принципы, определяющие применение военных средств — экономия сил, необходимость действовать посредством концентрации и, как следствие, за счет фаз или бросков, неожиданных для врага и безопасных для себя, не имеют ценности — сколько раз об этом уже говорили! — если каждый раз не приспособливать их к обстоятельствам. Этот тезис, кстати, не содержит ничего специфически военного и господствует над действиями любого порядка — военными, политическими, промышленными.

Правильно оценить обстоятельства в каждом конкретном случае — вот в чем заключается основная задача командира. Если он знает обстоятельства,

правильно их оценивает и использует, он — победитель; если они ему неизвестны или он неверно о них судит и пренебрегает ими, он будет побежден. Не-

---

Политик, наделенный волей и выдержкой, располагающий ресурсами огромной страны и прочной системой союзников, потерпит неудачу, если не распознал характер своего времени.

сомненно, военные действия надо строить на обстоятельствах и условиях. Генерал, располагающий прекрасной армией, тщательно выстроенной к бою, будет побежден, если не собрал сведений о противнике. Политик, наделенный волей и выдержкой, располагающий ресурсами огромной страны и прочной системой союзников, потерпит неудачу, если не распознал характер своего времени. Прекрасно оснащенный промышленник разорится, если плохо знает состояние рынка.

Похоже, французский военный дух отказывается признать за военными действиями их по существу эмпирический характер. Он без устали пытается построить доктрину, которая позволила бы ему направлять

военные действия и разрабатывать их форму априори, не учитывая обстоятельства, которые должны быть их основой. Он находит в этом особого рода удовлетворение, но оно опасно, тем более что это удовлетворение высшего порядка. Верить, что обладаешь средствами избегать опасностей и неожиданностей и господствовать над обстоятельствами — значит давать духу отдых, к которому он постоянно стремится, и иллюзию того, что можно пренебречь постижением тайны неизвестного. Несомненно, французский дух особенно склонен к этому из-за своей ярко выраженной склонности к абстракциям и системам, своего культа абсолютного и категорического, которые дают ему явные преимущества в сфере умозрительного знания, но приводят его к ошибкам в сфере действия. Во время великих эпох французский дух умел избегать опасностей, не теряя своих преимуществ, сдерживая себя правилами из уважения к чувству меры и конкретной реальности, и тот же век, который дал нам «Рассуждение о методе»² и «Рассуждение о всеобщей истории»³, был свидетелем реалистичной политики Ришелье,

объективной стратегии Тюренна, практичного управления Кольбера⁴.

Но в иные времена обнаруживаются другие тенденции, которые, в свою очередь, требуют воинского искусства. Период нашей истории, когда в основу внешней политики был положен принцип национального самоопределения, а внутри страны долгое время считалось, что свобода станет решением всех проблем и сможет заменить реальность организации и долга, неизбежно привел к тому, что военный дух стал воздвигать априорные доктрины и, вопреки случайностям, пытаться навязать военным действиям абсолютные решения, извлеченные из абстракций. Впрочем, возможно, это стало косвенным следствием глубоких изменений в европейском порядке и соотношении сил европейских государств, произошедших в XIX веке. С момента разрушения империи Карла V Франция привыкла думать, что ее силы превосходят силы всех других держав. Она считала себя самой густонаселенной, самой цивилизованной, богатой и централизованной нацией Европы. Но начиная с XVIII века, и в особенности после договоров 1815 го-

да, она увидела, как в отдалении или рядом с ее границами вырастают народы, чьи силы равняются ее собственным. До того момента главной причиной уверенности армии в себе было превосходство ее возможностей. Так как вскоре это превосходство могло исчезнуть, армия стремилась любой ценой найти другую причину для уверенности. Такую причину тут же предложила теория.

Уже в XVIII веке появились теории абсолютных категорий в сфере тактики. Им способствовало общее направление идей и любовь к системам, благодаря которым столь популярными стали «Энциклопедия»⁵ и «Общественный договор»⁶. Победы Фридриха II поразили воображение военных, и они захотели извлечь из своих изысканий приемы, которые обеспечивали бы победу всегда. Некоторые, заметив, что король Пруссии постоянно заботился о подкреплении своих маневров как можно более мощным огнем, сделали вывод, что во всех случаях необходимо просто выставить в ряд как можно больше ружей и пушек, другими словами, построиться тонкой линией. Другие, ссылаясь на тот факт, что великий полководец обычно добивал-

ся успеха при помощи мощной и неожиданной атаки, провозгласили, что в первую очередь нужно всегда строиться как можно более плотной массой и таким способом устремляться на противника. Все эти приверженцы «линейного порядка» или «глубокого порядка» не принимали во внимание то важное соображение, что методы Фридриха имели ценность только в силу обстоятельств, которыми они вдохновлялись.

К счастью, многие офицеры, которые не перестают сражаться и таким образом постоянно обновляют в наших рядах реальное чувство войны, не поддаются этому догматизму. Гиберы⁷ и Брольи⁸ определенно умеют заставить возобладать в большинстве умов доктрину реализма. На войне нужно действовать, основываясь прежде всего на обстоятельствах, и нужно уметь это делать открыто, гибко, учитывая возможные последствия. Усилия должны воплощаться в разные маневры в каждом конкретном случае.

Военачальники Революции, а затем Империи нашли в своем презрении к догматизму хорошую подготовку к успеху в осуществлении своих идей. Вопрос о

корпусе доктрин никогда не стоял в Великой армии. Познать обстоятельства, приспособиться к ним, использовать их — вот была основа концепции Наполеона. Тщетно искали даже тень теории в его планах и приказах: при Аустерлице он сначала отвел войска на

Познать обстоятельства, приспособиться к ним, использовать их — вот была основа концепции Наполеона.

заранее выбранную территорию, затем защищался на ней, атаковал в конце дня; у Йены сдерживал наступление противника и сдерживал фронт, пока пруссаки не отступили; у Эйлау останавливал русских, одновременно стараясь обойти их с фланга; у Лана и Арсиюр-Об ломал плохо начавшиеся сражения; но он всегда прекрасно приспособлял свои планы операций к обстоятельствам, которые он изучал со страстью: к противнику, местности, расстояниям, личностям офицеров, ценности и состоянию войск.

Сорок лет, последовавшие за нашим унижением 1815 года, отмечены сном военной мысли, которая общим состоянием армии была поставлена в слиш-

ком неблагоприятные условия. Во времена Реставрации офицеры совершенно не думали о доктринах. Одних будоражили сожаления, других — озлобление, многих — политические пристрастия, всех — горечь. Они были серьезно обеспокоены завтрашним днем в ту эпоху, когда французское военное сословие, лишенное равновесия, постоянно колебалось и личный состав не находил опоры ни в одном уставе. Во времена июльской монархии и Республики 1848 года армия, поглощенная за пределами Франции алжирской кампанией, а внутри страны занятая подавлением постоянных мятежей, имела слишком много поводов игнорировать размышления о великих войнах.

По крайней мере офицеры, которые сражались при Наполеоне, такие как Бюжо, Барагю д'Ийер, или те, кто в начале военной карьеры извлек пользу из воспоминаний старших, как Канробер, Пелисье, Мак-Магон, сумели сохранить в себе и поддержать традиционную способность адаптироваться к обстоятельствам и использовать их. В этом была причина успехов в Крыму и в Италии, которых армия добилась вопреки по-

средственным талантам командования и недостаточной подготовке.

Эта способность наших командиров смогла бы спасти Францию в решительные моменты франко-немецкой войны и компенсировать недостатки наших

Во времена Реставрации офицеры совершенно не думали о доктринах. Одних будоражили сожаления, других — озлобление, многих — политические пристрастия, всех — горечь.

средств и организации, если бы в течение нескольких лет, предшествовавших 1870 году, теория, построенная априори, не размывала эту способность.

В ходе боев 1855 и 1859 годов французская армия оценила эффективность огня, в особенности пехотного. В Севастополе мы впервые увидели, как ружейный огонь останавливал на расстоянии самый решительный натиск солдат даже тогда, когда основное физическое препятствие, укрепления, были предварительно разрушены, как это было во время штурма 18 июня. Итальянская кампания, хоть и очень короткая, изобиловала подобными примерами. И командиры, и солда-

ты сохранили твердую память об огне австрийцев. Об огне, который скосил половину гренадеров гвардии при взятии редута у Сан-Мартино, истребил полки соединений Ниэля и Канробера у Понте-Веккьо, устлал трупами отрядов Мак-Магона подступы к Мадженте, за пять минут сократил на две трети войска, которые Барагю д'Ийер бросил к Меленьяно, истребил тысячи пехотинцев гвардии и солдат дивизий Негрие и Базэна вокруг Сольферино.

Едва это незабываемое впечатление затронуло умы, как винтовка, а затем пулемет были поставлены на вооружение нашей армии, предоставив ей заметное превосходство в вооружении.

Понятно, что военные того времени были поражены тем огромным преимуществом, которое в некоторых случаях могли предоставить заранее выбранные позиции, предлагавшие широкий фронт для стрельбы и где можно было при благоприятных условиях располагать мощным огнем пехоты. За счет этого в тактике появлялся новый и значительный элемент, который нужно было учитывать. Радикально изменить форму и экономику

приемов обороны в соответствии со свойствами нового оружия, организовать исследования и применение углов стрельбы, во многом адаптировать военное построение, в частности, приспособить плотность занятой территории к плотности ружейного огня — все это было логично и мудро. Но на этом мы не остановились. Мы захотели вывести целую доктрину, а именно доктрину позиций из дальнобойности и скорости стрельбы винтовок и пулеметов. Мы поверили, что в этой доктрине заключены общие приемы, применимые к любым обстоятельствам. Какими бы ни были конкретные условия, мы занимали бы позиции на выбранной заранее территории, на которой противник был бы уничтожен огнем при первой же попытке вступить в бой.

Выбрать один-единственный факт, каким бы значительным он ни был, а именно свойства скорострельного оружия, чтобы выработать из него общее правило военных действий, — это было смертельно опасным преувеличением.

Почему в этих условиях французские генералы в 1870 году проявили пассивность, изумившую Исто-

рию? Очевидно, что они совершенно не поняли возможностей, которые события предоставляли им много раз. Чтобы воспользоваться ими, генералам нужно было, чтобы эти случаи были заранее просчитаны и решены согласно доктрине, а это было невозможно. На самом деле было нужно, чтобы генералы были в курсе обстоятельств и, в частности, чтобы они потрудились осведомиться о противнике. Но именно конкретные обстоятельства и конкретный противник — его намерения, средства, расположение — казались генералам второстепенными элементами: ведь задача, по их мнению, заключалась прежде всего в том, чтобы при помощи огня удерживать выбранную позицию и ждать.

Этим же объясняется и неготовность Абея Дуэ к встрече с противником при Вейсенбурге, и поведение при Фрешвилере маршала Мак-Магона, совершенно не представлявшего, что можно было сделать нечто иное, кроме как неистово защищать поле боя, на котором он расположился. И неподвижность войск Фроссара при Шпихерене, хотя поражение четырнадцатой прусской дивизии давало прекрасную возможность

для перехода в наступление. И бездействие войск Базэна и Файльи 6 августа, приведшее к разгрому генерала Фроссара и маршала Маг-Магона в нескольких часах перехода от их позиций. И упущенная армией Меца возможность 16 августа раздавить третий прусский корпус, и пассивность армии Галона 31 августа у Седана, в то время как неприятель постепенно окружал город. Доктрина, построенная на абстракциях, делала пассивными и ослепляла командиров, которые в другое время демонстрировали опытность и отвагу. Она привела их к поражениям, жестокость которых была пропорциональна произвольности теории.

II

После войны 1870 года люди, чьей задачей было выработать новую доктрину для армии, оплатили печалью в душах солдат тщетность теорий, построенных на абстракциях. Вместе с тем они получили ценный опыт. Результатом их рабо-

ты стали Устав маневров пехоты 1875 года и (до определенной степени) Полевой устав армии 1896 года. Эти уставы пропитаны опытом, приобретенным в разнообразных подвижных обстоятельствах войны, извлеченным из страха, купленным дорогой ценой ошибочных решений, принятых априори. Они порождены желанием расширить поле деятельности для личности.

Но эти рамки, одновременно широкие и точные, не могли долго удовлетворять военную мысль. Она не находила в них того, что она не перестает страстно искать: общего правила военных действий, которое бы годилось для решения любой проблемы. Не будучи в состоянии, и не без причины, извлечь это правило из живого опыта бойцов, она пыталась найти его в Истории.

Построить обучение солдат на событиях войн прошлого было естественным и полезным. Работы Бонналя и Кардо о кампаниях первой империи и о кампании 1870 года являются прекрасным материалом для размышлений. «Описание франко-германской войны» члена прусского Главного штаба было ценным пособи-

ем для обучения. Эти работы распространили по Европе документированные знания о наших победах в начале века и в то же время заставили увидеть, что наши провалы в последней войне были вызваны не столько несравненными талантами противника, сколько скоплением наших собственных ошибок, и, главное, помогли французской армии снова обрести утраченную ею веру в себя. Кроме того, восстановление нашей армии, завершенное к 1889 году, оздоровление общественного сознания, появление новых политических условий в связи с союзом с Россией вернули Франции оправданную веру в свои силы и свое предназначение. Военная мысль развернулась в сторону наступательных действий. Эта ориентация была благотворной. Она была следствием новых общих условий, но не только: она сразу же породила интеллектуальное и духовное движение, в котором, несомненно, нуждалась французская армия.

Но эта ориентация не знала чувства меры. В истории наполеоновских кампаний мы находим сотни примеров того, с какой страстной энергией он пости-

гал все обстоятельства, в частности, узнавал противника; примеров разнообразных, своевременных и гибких планов операций, которые он опирал на конкретные условия. Но из истории его кампаний мы извлекли в первую очередь дерзость и наступательный характер маневров. Мы хотели приписать этой форме и этому характеру действий некую абсолютную ценность. Так, дерзость прусских генералов в 1870 году неоднократно ставила их в тяжелейшие ситуации. Штейнмец при Форбахе, Альфеншлибен при Марс-ла-Туре избежали поражения только благодаря нашей абсолютной пассивности. Однако мы заключили, что они восторжествовали по причине самой лишь дерзо-

---

С того момента, как мы поверили, что движение вперед само по себе обладает непреодолимой силой, все стало сводиться к тому, чтобы его осуществить.

сти, и провозгласили, что дерзость хороша сама по себе, не желая принять во внимание то, что их система, успешная при условии бездействия противника, неоднократно приводила к поражению от маневренных и

решительных противников. Таким образом, целое поколение военных внушило себе, что нападение обладает абсолютной ценностью. Мы мнили, что при любых обстоятельствах сам факт атаки дает абсолютное преимущество. С того момента, как мы поверили, что движение вперед само по себе обладает непреодолимой силой, все стало сводиться к тому, чтобы его осуществить. Таким образом, мы нашли «закон успеха», окончательное правило действий, постоянную основу планов операций, к которым мы непрерывно стремились. Встав на этот путь, военная мысль могла идти лишь от абстракции к абстракции. Она покинула территорию военной реальности, она собиралась превратить в доктрину чистую метафизику военных действий.

Так как в принципе было достаточно просто идти на врага, чтобы его победить, самые быстрые маневры считались наилучшими, а все, что не было устремлено исключительно вперед, трактовалось как второстепенное. Огонь стал крайним средством. Открыть огонь было неизбежным злом, которое мы откладыва-

ли как можно дольше, вести огонь было опасно, так как это могло расстроить бросок войск вперед. Как только давался приказ атаковать, нужно было бросаться на противника, каждое подразделение стремилось гнаться за ним, и лучшая поддержка, которую оно могло обеспечить другим, заключалась в том, чтобы вырваться вперед. Без особого энтузиазма мы допускали, что иногда придется обороняться. Но даже в этом случае не следовало трактовать огонь как основное средство обороны. Чтобы удерживать занятые территории, нужно было положиться прежде всего на контратаки. Что же касается укреплений на поле боя, их трактовали как несчастье, иногда, возможно, неизбежное: за ними полагалось прежде всего укрываться.

Планы операций, ориентированные таким образом, могли разрабатываться без учета обстоятельств. Какими бы они ни были, мы толкали перед собой авангард, который, как можно быстрее продвигаясь вперед, должен был во всех случаях бросаться в атаку, как только он встретит противника и там, где он его встретит. Развернутые под защитой этого броска главные силы, пе-

ренимая эстафету боя от авангарда, также скоро бросались в атаку, пытаясь сразу же получить решительный перевес за счет как можно более быстрого продвиже-

---

Духовным сущностям, таким как воля командира к наступлению и дух жертвенности у солдат, мы приписывали абсолютную ценность при исполнении задачи.

ния вперед. Духовным сущностям, таким как воля командира к наступлению и дух жертвенности у солдат, мы приписывали абсолютную ценность при исполнении задачи, считая их способными действовать самостоятельно и вне зависимости от наличных средств.

Некоторые умы, более одаренные чувством реальности, выдвигали серьезные возражения против этой доктрины, и эти возражения вызвали дискуссии, навсегда оставшиеся в Истории. По мнению полковника Петэна, было весьма опасно априори прописывать форму всех военных действий. Чтобы построить маневр, нужно учитывать очень многое, прежде всего обстоятельства: противника, поле боя и так далее. Чтобы быть способными использовать возможности и избегать неожидан-

ностей, необходимо в первую очередь постоянно быть в таком состоянии, которое позволило бы применять все средства в благоприятных условиях, одним словом, быть открытым, гибким и действовать подвижно. Итак, мы казались «граблями, а не острием». Почему авангард обязательно и сразу же должен атаковать при встрече с противником? В зависимости от обстоятельств он должен получить точное боевое задание, и в такой форме, чтобы командир авангарда обладал свободой принять решение о своем маневре и готовиться к нему. Если речь идет о встречном бое, а это общий случай, который нужно предусмотреть в начале войны, командир должен выбрать поле боя, на котором он хочет ударить по неприятелю. В этом выборе, несомненно, будут играть роль особенности поля боя, а также условия, необходимые для того, чтобы основные силы могли спокойно подготовиться и затем действовать неожиданно и сплоченно. Согласно этой же системе идей, если нужно атаковать, это делается с начала и до конца при поддержке огнем максимальной силы артиллерии и пехоты, продвижение вперед делится на фазы: заня-

тие новых позиций чередуется с огневой подготовкой. Если надо обороняться, это нужно делать в первую очередь посредством огня, как можно более мощного и интенсивного, нужно ударить по передовым порядкам противника огнем возможно максимальной плотности.

Мы предпочитали ориентировать военные действия на мгновенное, неразумное нападение; мы хотели превратить бой в неорганизованное, стремительное движение вперед.

Эти идеи радикально противоречили доктрине, которая стала официальной. Полковник Петэн считал, что планы маневров нужно строить, согласуясь с обстоятельствами, и что сочетание средств, в частности огневой поддержки, нужно подбирать на основе условий выполнения конкретного задания. Но мы предпочитали ориентировать военные действия на мгновенное, неразумное нападение; мы хотели превратить бой в неорганизованное, стремительное движение вперед. Нам были известны тактические последствия, к которым эти метафизические принципы приводили в приграничных сражениях. Наши

подразделения обычно сталкивались с противником в невыгодном боевом порядке, так как пренебрегали тем, чтобы собрать сведения о нем, ведь, что бы они о нем ни узнали, это совершенно не изменило бы манеру их действий. Авангарды, которые мы продолжали использовать в полную силу, обычно уничтожались раньше, чем артиллерия вступала в бой в достаточной мере, чтобы оказать им поддержку, и до того момента, как основные силы успевали развернуться для боя. Поэтому основные силы были вынуждены вступать в бой поспешно, иногда даже в беспорядке; во многих случаях путаница, разрыв связей с самого начала отмечали их действия. Кроме того, пехоту быстро останавливал огонь противника, так как считалось, что она должна атаковать с поспешностью, не позволявшей орудиям действовать эффективно ей на пользу. Неизбежными последствиями этих приемов становились потери, тем более жестокие, чем больше отваги демонстрировали пехотинцы, а иногда — паника. Вследствие этого, когда противник переходил в наступление, он уже во многих

случаях не встречал ничего, кроме дезорганизованных войск, плохо закрепившихся на поле боя и встречавших его неорганизованным огнем. За этим часто следовало отступление по всей линии боя. Таким было развитие событий при Сарбурге, Моранже, Арлоне, Виртоне и Шарлеруа.

Известно, что, перенесенная в сферу стратегии, эта доктрина оказывала давление на первые планы операций. Их отличали сосредоточение сил априори и, как следствие, отсутствие гибкости, мгновенное наступление французских армий; операции, которые предпринимались без учета намерений, боевого порядка, сил противника и были плохо приспособлены к полю боя. Из-за тех же принципов гарнизонам, особенно на севере, в мирные времена не уделялось достаточно внимания, и часто их сдавали во время войны без сопротивления.

Победа на Марне прославила командира, сумевшего освободиться от теорий, построенных на абстракциях, и разработать свой план с учетом условий, которые его сознание охватило во всей их полноте, осознавшего

благоприятное стечение обстоятельств, которое неожиданно сложилось в первые дни сентября: ошибочное расположение войск неприятеля, поле боя, которое давало нам преимущества; то, что наши фланги были прикрыты укреплениями, состояние духа армии и страны в целом, решимость и хладнокровие правительства.

Можно было бы предположить, что это доказательство разрушит во французском военном сознании любовь к доктринам, построенным на абстракциях, но этого не произошло. Несомненно, из этих событий были извлечены полезные уроки, но слишком медленно и как бы неохотно. Наступление зимы 1914–1915 годов напрямую

Некоторые, не одобряя эту доктринерскую концепцию, заявляли, что успеха можно добиться лишь посредством использования благоприятных обстоятельств.

опиралось на убежденность в том, что атака сама по себе дает преимущество и что нужно наступать, несмотря на дефицит средств. Тщетно сторонники реалистических концепций заявляли, что обстоятельства не оправдывали этих приемов, «что нельзя сражаться людьми

против техники» и что следовало обеспечить себя материальными средствами, прежде чем атаковать.

Как следствие, путая оборонительные сооружения, которые нам противостояли, с противником, который их использовал, многие верили, что вопрос победы заключался в том, чтобы прорвать зону траншей противника. Прорыв обороны противника стал высшей и практически божественной ценностью, и наши усилия долгое время были направлены на то, чтобы собрать артиллерию и пехоту в выбранном секторе фронта и попытаться овладеть немецкими траншеями по всей их глубине, утверждая, что победа будет достигнута, как только наши атакующие цепи доберутся до «свободной земли».

Некоторые, не одобряя эту доктринерскую концепцию, заявляли, что успеха можно добиться лишь посредством использования благоприятных обстоятельств. Значит, сначала их надо было спровоцировать. Начиная с 1915 года генерал Петэн, командовавший четвертой армией, предложил придать сражению иную форму. Не стремительный бросок, выполняемый в произвольно установленных заранее условиях, а в первую очередь фор-

ма «боя, изматывающего противника, предпринятого по всему фронту армий, стремясь к выполнению задач, очень ограниченных по глубине, с целью заставить противника выйти из укрытий, заполнить свои траншеи, мобилизовать резервы, а затем, когда враг будет достаточно измотан, перейти к решающему усилию, направленному на те точки, которые покажутся самыми благоприятными». Но каким образом будет осуществляться это усилие? «В форме следующих друг за другом атак на укрепленные позиции неприятеля. Обстоятельства будут управлять командирами в выборе способов решения той или иной задачи: при необходимости нужно приостановить атаку, чтобы подготовиться к новой, или действовать быстро, чтобы оставить противнику минимум времени».

Однако наши наступательные сражения 1915–1916 годов в целом имели характер прорыва обороны противника, причем формы и места сражений были установлены заранее. Без сомнения, в каждом из этих сражений подобный характер проявлялся все меньше. Известно, что по плану наступления, разработанному в

конце 1916 года, мы стремились победить за счет использования благоприятных обстоятельств, которые должны были быть предварительно созданы боем, изматывающим противника, проведенным на очень широком фронте. Но вскоре культ абсолютных концепций снова возобладал. Наступление апреля 1917 года было разработано без учета конкретных условий; эти условия ему не благоприятствовали. Мы вовсе не застали неприятеля врасплох, Гинденбург⁹, отступая в марте между Соммой и Уазой, показал, что наши намерения были ему известны; к тому же операция совпала с революцией в России, которая породила в немецких рядах большие надежды и позволила им экономить усилия на востоке. Не было никаких сомнений в том, что наши атакующие эшелоны должны были встретиться с противником, находящимся в боевой готовности, чье состояние духа было лучше нашего. Выбранное поле боя было трудным для атаки. Плохие погодные условия сохранялись. Состояние духа и общественного мнения, волнуемое непомерными надеждами или беспокойствами многочисленных хорошо информированных людей, было более чем посредст-

венным. Правительство терзалось тревогами, которые оно не скрывало ни от политического мира, ни от союзников, ни даже от военных командиров.

Операция тем не менее была предпринята. Конечно, никто не скрывал, что она связана с трудностями, но, естественно, чтобы их преодолеть, у нас была вера в непрекращаемую ценность наступления. Мы рассчитывали, что сама дерзость плана компенсирует недостаток средств; дерзость, которая не была вызвана неожиданно представившимся благоприятным случаем, но была основана на высшем принципе — системная дерзость, из которой мы надеялись извлечь сверхчеловеческую способность изменять реальность.

Еще раз реальность оказалась жестокой, а факты — безжалостными. И все же это неимоверное испытание оказалось решающим. Впредь наши планы действий вдохновлялись чувством реальности, пристрастием к фактам, искусством пользоваться обстоятельствами, и это стало самым плодотворным уроком войны.

Планы, форма и способы исполнения наших наступательных операций лета и осени 1917 года во Фландрии,

на левом берегу реки Мёз и у Мальмезона были приспособлены к общим условиям времени: к состоянию духа армии и народа, которые нуждались в улучшении, к силам противника, которые необходимо было одновременно изнурять и удерживать на нашем фронте, не пытаясь уничтожить их одним ударом, так как для этого у нас не было средств. Нужно было беречь французских солдат вплоть до того момента, который окажется удобным для решающего усилия, и в то же время поддерживать военный престиж в глазах союзников, чтобы придать необходимую силу голосу нашей политики, подготовить уникальное командование и, в конце концов, предпринять огромные усилия по обучению, чтобы войска были в состоянии лучше пользоваться техническим снаряжением, которым были снабжены.

Наше наступление весны 1918 года отмечено именно таким характером приспособления к обстоятельствам и поиска удачного случая. Атаковали ли мы неприятеля, пока его силы превосходили наши и мы были уверены, что сможем начиная с лета и благодаря помощи американцев ослабить его своими ударами? Априорная

доктрина рекомендовала именно это, но доктрина обстоятельств была против, и победа доказала правоту последней.

В июле равновесие сил было нарушено в нашу пользу, и это преимущество должно было нарастать. Мощный натиск противника был сломлен; его войска жестоко пострадали, и его боевой дух поколебался; он выстроился в неудачном боевом порядке в зоне, в которой поле боя упрощало быстрое и тайное сосредоточение наших сил для атаки и их одновременное и внезапное применение. Так сложилось благоприятное стечение обстоятельств. Эти обстоятельства были поняты и использованы.

III

В очется верить, что столь долгие и тяжкие испытания наложили нестираемый отпечаток на французскую военную мысль. Несомненно, она в течение многих лет сохранит чувство военной реальности. Но сохранит ли она столь же долго

недоверие к ценности абсолютных доктрин, презрение к решениям, принятым на основе абстракций, склонность к военным действиям, задуманным в соответствии с обстоятельствами, старательно подготовленным и выполненным с той же мощью, что охватила все души на следующий день после великого испытания? Мы уже видим, как растет и распространяется соблазнительная теория, которая, отталкиваясь от реальности, эффективности огня, приходит к абстрактным заключениям и односторонним выводам.

Следуя направлению, одновременно привлекательному и опасному, мы начинаем, как кажется, думать, что проблема маневра сводится к тому, чтобы сделать огневые средства как можно более эффективными, и, следовательно, маневры необходимо совершать там, где наиболее удобно стрелять.

Однако дальнобойность, настильность, конвергенция огня диктуются формой поля боя. В каждой конкретной ситуации поле боя представляет в ширину и глубину некоторое число секторов обстрела, протяженность и природа которых предлагает армиям бо-

лее или менее благоприятные условия их использования. Необходимо занять наиболее выгодный сектор. Во всех случаях из одного исследования территории можно сделать вывод о том, в каком месте следует действовать, а что касается формы атаки, то ее также можно выработать только на основе этого единственного соображения. Нужно возобладать над полем боя.

Мы уже видим, как растет и распространяется соблазнительная теория, которая, отталкиваясь от реальности, эффективности огня, приходит к абстрактным заключениям и односторонним выводам.

Итак, мы будем вынуждены нацеливаться исключительно на господствующие точки, и с того момента, как мы признаем, что все остальные вещи должны всегда рассматриваться как равноценные, все сведется к тому, чтобы завладеть господствующими высотами. Нужно приучить себя больше не устанавливать других направлений, не выбирать других задач, кроме тех, которые диктуются особенностями высот, и не создавать абстракций из других переменных и прежде всего из противника.

Но систематический выбор во всех случаях сектора поля боя, наиболее удобного для ведения огня, лишит маневр гибкости, то есть уничтожит сам маневр. Мы всегда будем атаковать на открытых полях боя, так как пулеметы там имеют хорошую дальнобойность и артиллерии там проще стрелять. Из подхода, прекрасно удовлетворявшего некоторым обстоятельствам последней войны, мы пытаемся сделать всеобщий закон. Командиры всех рангов привыкли переводить на второй план сознания заботу о том, чтобы осведомиться о неприятеле. Одно лишь поле боя предоставит им решение всех проблем, таких как боевой порядок противника, его оснащенность, укрепления, коммуникации, ценность и сила его войск. Таким образом, они заранее теряют возможность определить удобный случай. Так становится хроническим неумение адаптировать приемы к обстоятельствам, за что наша армия поплатилась в 1870 году и, пусть и в меньшей мере, в 1914-м.

Одиссей, добираясь после долгой войны до своей родины Итаки, приказал привязать себя к мачте корабля,

чтобы не поддаться соблазну сирен и не броситься в пучину моря. Сможет ли французская военная мысль устоять перед вековыми чарами априорных доктрин, абсолютизма и догматизма? Сможет ли она, чтобы не уступить их соблазну, утвердиться в классическом порядке? Из этого порядка она сможет черпать склонность к конкретности, дар меры, чувство реальности, которые просвещают дерзость, вдохновляют маневры и делают военные действия плодотворными.

* * *

¹ Бюжо Тома Робер, маркиз де ла Пикорни, герцог д'Исли, маршал Франции. Участник испанской кампании Наполеона, в 1815 году перешел к Бурбонам, во время Ста дней примкнул к Наполеону, удалился в поместье. После революции 1830 года вновь на военной службе — в Алжире и Марокко.

² Крупнейшее сочинение великого философа Рене Декарта (1637).

³ Сочинение Жака Бенина Боссюэ (1627–1704), французского писателя и церковного деятеля.

⁴ Кольбер Жан-Батист (1619–1683), министр финансов Людовика XIV, известный своими хозяйственными реформами. Экономическая политика Кольбера заключалась в стремлении

вызвать расцвет торговли и промышленности мерами положительного характера — премиями, субсидиями предпринимателям, распространением технических знаний, улучшением путей сообщения, развитием торгового мореплавания и активной колониальной политикой.

⁵ «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», французская энциклопедия, крупнейший памятник французской просветительной науки и культуры XVIII века.

⁶ Политический трактат Жан Жака Руссо (1762).

⁷ Гибер Ипполит (1743–1790), французский генерал, военный писатель.

⁸ Брольи Франсуа-Мари (1671–1745), маршал Франции.

⁹ Гинденбург Пауль фон (1847–1934), генерал-фельдмаршал (1914). В Первую мировую войну командовал с ноября 1914-го войсками Восточного фронта, с августа 1916-го — начальник Генштаба.

ПОЛИТИК И СОЛДАТ

Они будут идти по двое,
Пока будет идти мир, шаг за шагом, бок о бок.

Альфред де Мюссе¹

*Н*а сцене мирного времени публичный человек играет главную роль. Устраивает ли толпа ему овацию или освистывает, она в первую очередь видит этого персонажа и слушает его. Неожиданно война вытягивает из-за кулис другого человека, выталкивает его на первый план, направляет на него свет прожекторов: появляется военачальник. Начинается пьеса, в которой играют вместе политик и солдат. В сутолоке статистов, суматохе публики вся драма сосредотачивается на этих двух актерах. В этот момент их диалог основан на том обстоятельстве, что у каждого из них нет ни тем для разговора, ни ума, ни успеха, кроме как в функции игры другого. Но если один из них пропустит свою реплику, все потеряно для обоих.

Какими бы разными ни были задачи правительства и командования, их взаимозависимость не поддается сомнению. Какой политик добьется успеха, если армия сдастся? Какая стратегия действенна, если ей не хватает средств? Рим, лишенный легионов, не смог ничего извлечь из способностей Сената. Какую пользу принесли бы Ришелье, Мазарини или Лувуа без королевской армии? Если бы Дюмурье разбили при Вальми, Революция могла быть задушена в колыбели. Объединение Германии сделало неразделимыми имена Бисмарка и Мольтке. Эти государственные деятели и великие военачальники недавнего прошлого останутся вместе, вопреки всему, в воспоминаниях победы.

Политик старается господствовать над мнением монарха, совета или народа, так как из этого он извлекает возможность действовать. Для мнения нет ничего невозможного, и нет преград для одного имени этой повелительницы. И все же она признательна людям за пользу, которую они приносят, менее, чем за то, что они ей нравятся, и обещания привлекают ее больше, чем доводы. Поэтому политик употребляет все свое искусство на

то, чтобы соблазнять мнение, маскируясь в зависимости от эпохи, не утверждая ничего, что не было бы своевре-

---

Политик старается господствовать над мнением монарха, совета или народа, так как из этого он извлекает возможность действовать.

менным. Чтобы стать господином, он изображает из себя слугу и ведет себя со своими соперниками с избыточной уверенностью. В конце концов, при помощи тысяч интриг и торжественных обещаний, он ее завоевывает: господство над мнением дает ему власть. Будет ли он теперь действовать без притворства? Ни за что! Ему все равно надо будет нравиться, убеждать монарха или парламент, потакать чужим страстям, держать в напряжении интересы. Его власть, какой бы широкой она ни была, остается шаткой. Ветреный спутник — мнение — следует за ним капризной походкой, готовый остановиться, если он будет решительно идти вперед, или взбунтоваться, если он будет медлить. Неблагодарное мнение ни во что не ставит работу правителя и даже во время его успехов не без удовольствия слушает его про-

тивников. Но если он ошибается — оно его освистывает, если колеблется — оно его изнуряет. На чем держится влияние политика? Происки двора, интриги совета, движения ассамблеи мгновенно отнимут у него власть. Поверженный на землю, он не пожнет ничего, кроме несправедливости. Так, великий или мелкий политик, историческая или проходящая фигура, он то всевластен, то бессилен, то обладает влиянием, то страдает от неблагодарности общества. Вся его жизнь, весь его труд имеют нестабильный, беспокойный, беспорядочный характер, что радикально отличает его от жизни и труда солдата.

Профессия солдата заключается в использовании оружия, но власть оружия должна быть организованной. С того дня, как солдат берет оружие в руки, он сразу же подчиняется правилу: эта щедрая и ревнивая госпожа больше никогда его не оставляет, она его направляет, укрепляет в минуты слабости и приумножает его способности, но она его также и ограничивает, заставляет сомневаться и обуздывает его порывы. Ее требования заставляют его страдать до глубины его человеческой природы: отказаться от свободы, денег,

иногда от жизни — какая жертва была бы большей? Но такой ценой она открывает ему власть силы. Вот почему, если солдат иногда и жалуется на правило, он хранит его, более того, он любит и гордится тем, чего оно ему стоит. «Это моя честь!» — говорит он.

Неблагодарное мнение ни во что не ставит работу правителя и даже во время его успехов не без удовольствия слушает его противников.

Вместе с правилом он достигает власти, но постепенно, так как находится в рамках суровой иерархии. Солдат всегда будет страстно стремиться к какому-нибудь званию, желать какой-нибудь почести. Зато его власть там, где он ее осуществляет, имеет высшее качество. Поддерживаемая строгостью дисциплины, укрепляемая традицией, его власть использует все то доверие и влияние, которое дает командиру военный порядок. Под надзором и покровительством правила солдат шагает уверенным шагом по суровому, но прямому пути.

Политик и солдат приносят в общее дело очень разные характеры, приемы, заботы. Один добивается це-

ли тайными путями; другой идет к ней совершенно прямо. Один видит жизнь издалека, но с беспокойством, считает реальность сложной и занимается тем, чтобы постигать ее при помощи хитрости и расчета; другой видит ясно, но вблизи, находит реальность простой и верит, что можно господствовать над ней хотя бы недолгое время, разрешая ее проблемы. В реальности конкретной эпохи первый думает о том, что он скажет, в то время как второй следует своим принципам.

Из этого несходства проистекает некоторое недопонимание. Солдат часто считает политика недостаточ-

---

Политик и солдат привносят в общее дело очень разные характеры, приемы, заботы. Один добивается цели тайными путями; другой идет к ней совершенно прямо.

но уверенным, непостоянным, падким на похвалу. Военный дух, питающийся требованиями, изумляется множеству хитростей, к которым вынужден прибегать государственный деятель. Военные действия в своей ужасной простоте контрастируют с обходными маневрами, присущими искусству управления страной. Не-

избежные черты человека, обладающего властью возбуждать любовь народа, — страстная подвижность, беспокойство главным образом о том, какое впечатление он производит, и то, что он явно ценит в других скорее влияние, чем достоинства, не перестает тревожить военного профессионала, привыкшего к тяжелому долгу, самопожертвованию, уважению к своей службе.

Факт в том, что армия редко безоговорочно одобряет государственную власть. Без сомнения, дисциплинированная по природе и по привычке, армия всегда подчиняется, но это подчинение безрадостно, и его проявления относятся скорее к функциям, чем к конкретным личностям. В армейских рядах при всех режимах живет дух независимости, который выражается в наружной холодности. Лувуа вовсе не был любим королевскими войсками. Армия Революции, жирондистская при Монтаньярах², отдала свои предпочтения якобинцам после Термидорианского переворота³. Многие солдаты, не из худших, не одобряли Брюмерский переворот⁴, и у Наполеона были все основания

держат на расстоянии многих великих военачальников, из которых он выделял Лазара Карно⁵. Армия монархии после Реставрации открыто сожалела об империи и после 2 декабря⁶ перестала питать симпатию к орлеанским принцам: во время плебисцита в войсках было немало уклонений от голосования. После 1871 года командный состав проявлял мало склонности к тенденциям и фигурам Республики.

Государству необходимо некоторого рода равновесие тенденций, и нужно тайно одобрять то, что те, кто им управляет, и те, кто владеет силой, испытывают друг к другу определенную неприязнь.

Напротив, пристрастие к системе, уверенность, твердость, которые стали второй природой солдата благодаря духу профессии и ее постоянным ограничениям, кажутся политику неудобными и непривлекательными. Абсолютный, всеобщий, непримиримый характер военных действий отталкивает человека, живущего среди компромиссов, хронических интриг, отменяемых действий. Скрывая свое мнение под маской почтительности, правитель считает военного не-

далеким, надменным, плохо управляемым. Посвятивший себя идеям и речам, он чувствует себя неловко при проявлении силы, даже когда сам использует ее. Вот почему за исключением кризисных моментов, когда им движет необходимость, он покровительствует вовсе не лучшим военачальникам, а самым простым в обращении, иногда отодвигает командиров на средние ступени военной иерархии и, если слава их увековечивает, с удовольствием ждет их смерти, чтобы воздать им справедливые почести.

Это отсутствие взаимной симпатии между политиком и солдатом не является в сущности досадным. Государству необходимо некоторого рода равновесие тенденций, и нужно тайно одобрять то, что те, кто им управляет, и те, кто владеет силой, испытывают друг к другу определенную неприязнь. В стране, где военные диктуют свою волю, без всякого сомнения, ресурсы их власти, склонной к злоупотреблениям, в конце концов истощатся; а соседние государства в это время объединят свое оружие в коалицию. С другой стороны, политик не должен быть тесно связан с армией. Все, что ис-

ходит от партий — выставленные напоказ страсти, раздутые доктрины, выбор или исключение людей в зависимости от их мнений, — очень скоро развратит армию, сила которой в первую очередь зависит от ее добродетели.

Тем не менее нужно, чтобы политик и солдат понимали друг друга. Они должны сотрудничать. Пусть они к этому совершенно не расположены, мудрость должна помочь им приспособиться друг к другу, ведь их долг — действовать единодушно, хотя они часто этим пренебрегают. Даже тогда, когда твердо установленный порядок и крепкая иерархия в государстве благоприятствуют гармонии, она не осуществляется без конфликтов и часто разрушается, когда беспокойные события выносят на поверхность амбиции или тревоги. Не счесть несчастий, прямой причиной которых стал раздор политика и солдата, и их взаимная неприязнь является основой всех упущений, из которых происходит злополучная борьба; история всех войн начинается в мирные времена.

II

*Ч*ем дольше стране не угрожает прямая опасность, тем большее отвращение к военному бремени испытывает общественное мнение. Тот вид ограничений со стороны войск, которым является военный призыв, — воинская повинность или вербовка, никогда не перестает казаться отвратительным. Очень часто деньги, затраченные на войска, которые не воюют, считают пущенными на ветер. Все, вплоть до дисциплины, накладываемой на войска, тайно раздражает дух независимости населения. Как правительство, которое не может обойтись без одобрения толпы, может пренебречь такими чувствами? К тому же оно должно утверждать бюджет, в котором содержание армии пробивает огромную брешь. И потом, именно на правительство направлен шум из-за границы, где всегда беспокоятся о вооружении других стран. Наконец, вождь народа должен, согласно здравому смыслу, объявлять себя пацифистом и вовсе не казаться готовым ковать оружие даже в то время, когда он преследует воинственные це-

ли. Мы не знаем ни одного завоевателя, который не утверждал бы искренне, что хочет мира.

Понятно, что проблемы военного класса раздражают человека, находящегося у власти. Ни щедрый, ни жадный правитель не одобряют военных счетов. Несмотря на то что оружие как последнее средство является не чем иным, как результатом политики, правительства боятся использовать его вплоть до момента величайшей опасности. Напротив, как только наступает спокойная эпоха, мы торопимся поставить военные суда на якорь и распустить полки.

Солдат, само собой разумеется, не поддается этим тенденциям. Для него сила оружия обладает сущностным и почти священным характером. Это результат призвания, идеалом которого является самопожертвование и которое, превознося культ родины, делает этот культ безоговорочным. Впрочем, профессионалы, по мере того как они готовятся сражаться, легко начинают верить, что мы каждый вечер находимся накануне рукопашной, и ничто не кажется им более необходимым или неотложным, как накапливать средства

для победы. Нужно сказать, что, приученные к войне, они естественным образом к ней стремятся. Конечно, они не одобряют ее причин. Можно даже легко показать, что они более других чувствительны к ее ужасам. Но в конечном счете война является смыслом их жизни, их карьерой, в которой они реализуют себя, и, как сказал Гюстав Лансон⁷, «их удачей». И не стоит ли отправить в отставку тех из них, кто искренне предпочитает войне безмятежность? Оружие, которое должен будет использовать военачальник, никогда не кажется ему слишком острым или слишком прочным.

Итак, становится очевидным, что мирное время само по себе содержит причины для трений между военными и правителями, одни изыскивают гроши, другие — вводят в расходы. Без сомнения, случается, что недавний урок или неотвратимая опасность примиряет их. После 1870 года необходимость реорганизации нашей армии была единодушно признана армией и национальным собранием, и в 1913 году люди, управлявшие Францией, приняли «закон трех лет», которого требовал Генеральный штаб. Также нет сомнений, что

привычка подчиняться делает возражения солдат робкими. К тому же, без сомнения, политики, способные управлять людьми, хорошо умеют разрушать сопротивление профессионалов. Однако факт в том, что настроения, относящиеся к обороне страны, редко складываются без борьбы мнений, в которой противопос-

---

...Политики, способные управлять людьми, хорошо умеют разрушать сопротивление профессионалов.

тавляются нужды одних и требования других, под аккомпанемент брани демагогов.

Но рано или поздно, предвиденная или нет, начатая умышленно или претерпеваемая с ужасом, случается война! При первом сверкании меча порядок ценностей оказывается перевернутым. Военачальник выходит из тени и внезапно облекается исключительной властью. В мгновение ока его права, как и его обязанности, достигают своих крайних пределов. Жизнь других вверяется его воле. Будущее родины непосредственно зависит от его решений. Весь народ обращает к нему свои тревоги. И министр с удивлением взирает

на эту грандиозную и свирепую власть, вырастающую из земли рядом с его властью.

Сразу же под действием самоотверженности и стремясь подать хороший пример, правитель и солдат чаще всего без труда договариваются. Из-за нужды в оптимизме каждый обнаруживает в партнере тысячу качеств, которые вплоть до этого момента он совершенно не признавал. Политик, оставив язвительность и иронию, приумножает свидетельства доверия по отношению к солдату, в то время как солдат, порвав со своей холодностью, выставляет напоказ свою искреннюю верность. Это моменты, когда Лува льстил Принцу⁸, Тюренну и Люксембургу⁹, которые сами горели желанием угодить ему, когда ассамблея и клубы бурно приветствовали Дюмурье, революционный энтузиазм которого еще ничем не был поколеблен, когда министры и депутаты оказывали почтение Генеральному штабу, который нисколько не сомневался в совершенстве режима.

Но вот война разворачивается в шествие скорби и разочарований. Страсти толпы доходят до высшей точ-

ки. Государственные мужи не могут без страха слышать шум этого ужасного потока, более или менее сдерживаемого плотинами преданности и закона. Правители направляют на поля битв кровь и богатства народа, за которые они в конечном счете несут ответственность, но пользоваться плодами будут другие; правитель должен доверить судьбу граждан, судьбу страны, даже свою собственную, чуждым ему людям, чье ревнивое искусство не терпит вмешательства. В эти моменты именно подобная тревога, соединенная с бессилием, является тяжелейшим испытанием для власти. Понятно, что обычным результатом такого испытания является некоторая нервозность. Прошлые предубеждения возрождаются. Тревоги требуют успокоения. Неясность становится невыносимой. Какова ситуация? Каков наш план? Как долго еще придется рисковать? Почему такая спешка или такая медлительность? Насколько результаты оправдывают надежды? Пусть генералы объяснят это! Впрочем, определенность необходима, чтобы управлять нацией, вести переговоры за пределами страны, готовить новые

средства. И политик обращает свое обеспокоенное лицо к главнокомандующему. Тот остается мрачным и отвечает неохотно. Бремя, которое он должен нести, удваивает его жесткость. Ему приходится напрягать сознание, сосредоточивать свою душу, оказывать давление на свою природу и природу других; отделять правду от лжи в потоке мнений, донесений, разведанных, существенное от второстепенного. Среди бушующих страстей и разноречивых мнений сопротивляться сомнениям. Забыть страх, оставаться глухим к интригам; какой бы ни была судьба, смятение, спешка, казаться спокойным, никогда не изливать свою душу и, вопреки заверениям вышестоящих и покорности подчиненных, не рассчитывать ни на кого, кроме самого себя, и осознавать свое одиночество перед лицом судьбы. Эти обязанности, наложенные на командующего, не способствуют мягкости манер. Поглощенный тяготами этих требований, он с трудом воспринимает терзания министров. Впрочем, не должен ли и он сам жаловаться? Разве не министрами были подготовлены средства, которых ему постоянно не

хватает? Нельзя ли заставить союзника, который бережет свои силы, сделать больше? Пусть они для начала усмирят встревоженное общественное мнение! При выполнении своих задач командование более всего нуждается в полной свободе духа и протестует, когда чувствует уменьшение этой свободы.

Если победа не заставляет себя ждать, чувство тревоги быстро исчезает. Но если опасность возрастает, досада растет и обостряется до степени общественных волнений.

Если победа не заставляет себя ждать, чувство тревоги быстро исчезает. В состоянии счастья не находится места для распрей! Но если опасность возрастает, досада растет и обостряется до степени общественных волнений. Вокруг правителей находятся лишь мрачные фигуры, грозные взгляды, языки, готовые к упрекам, в то время как беспокойная критика чернит действия армии, *«которая лишь плохой слуга, не умеющий исправить ошибки Гамилькара»*. Конечно, находятся министры, которые поддерживают генералов в их временных невзгодах. *«Поражение — не преступление, —*

писал Карно Гошу, потерпевшему неудачу при Кайзершлаутерне. — *Мы судим о людях по их усилиям, а не по событиям*». После приграничного боя никто из Парижа или Бордо не стал беспокоить Жоффра или вмешиваться в его решения. Много раз неудачливые командиры сдерживали свои жалобы и вовсе не упрекали политическую власть: *«Я проиграл сражение»*, — стоически телеграфировал Мак-Магон в вечер битвы при Фрешвилере. Однако иногда доходит до упреков и предупреждений: *«Я объясняю ваше решение настоящей*

Несмотря ни на что, патриотизм, который сам по себе является властью, часто мешает соперникам дойти до крайностей.

паникой», — сказал Фрейсине¹⁰ д'Ореллю, который эвакуировал жителей Орлеана. Криспи¹¹, терзаемый беспокойством, писал до сражения при Адуде генералу Баратьери¹²: *«Вы занимаетесь не войной, а военными шутками! Что было бы, если бы рядом с вами не было меня, чтобы давать вам советы!»*

Несмотря ни на что, патриотизм, который сам по себе является властью, часто мешает соперникам дойти

до крайностей. Но иногда известная степень общественной опасности приводит страсти к той точке, когда они прорывают плотины. Обрушенные кризисом, политик и солдат часто находят невыносимой ту взаимную зависимость, которой они оказываются связаны. Амбиция господства, возбуждающая и одновременно сдерживающая этих людей, вечно стремящихся к власти, приводит их к конфликту. Перед лицом действия, которым они упиваются, каждый хочет быть его единственным господином. То государственный деятель вторгается в сферу командования и своей властью навязывает стратегию. То военный, злоупотребляя своей силой, смещает политическую власть. Но триумф одного из партнеров означает паралич другого. Так нарушается равновесие, высмеивается порядок, уничтожается движущая сила. Военные действия с этого момента становятся бессвязными. Наступает катастрофа.

В подобной путанице прав и обязанностей Франция барахталась в 1793 году. После смерти короля Дюмурье и Конвент находились в состоянии неявной борьбы. После Неервиндена¹³ они пережили шок.

Главнокомандующий и депутаты встретились на лестнице штаб-квартиры: «Вы больше не генерал! Мы приказываем арестовать вас!» — «Гусары! Хватайте этих людей!» После того как Дюмурье был вынужден бежать, Ассамблея передала полную власть армиям комиссаров. Такое положение не было лишено преимуществ, так как способствовало быстрому продвижению офицеров с блестящими способностями и позволяло в некоторых случаях без промедлений и волокиты дать войскам все, что им не могло дать слабеющее правительство. Многие комиссары, такие как Карно и Дюбуа-Крансе, правильно поняли свою роль. Но некоторые другие, шантажируя командиров гильотиной, напрямую вмешивались в военные планы, возлагая при этом на генералов ответственность за провалы. Результатом такого вмешательства стал неопишуемый беспорядок, который вынудил Карно в сентябре 1793 года отобрать управление войной у Комитета общественного спасения.

Без сомнения, притеснение принимает такие жестокие формы лишь в исключительных случаях. Но да-

же без насилия его результаты рискуют быть катастрофическими. Известно, что в 1870 году прямое вмешательство правительства Регентства в операции принудило маршала Мак-Магона к маршу на Седан, окончившемуся поражением. В действительности в тех обстоятельствах простой отказ главнокомандующего послужил бы родине лучше, чем его безропотность. «Генерал, который дорожит своей славой, — писал Мармон¹⁴, — освобождает себя в своих операциях от абсолютной зависимости. Пусть или перестанут ему мешать, или отберут у него командование!»

Также необходимо, чтобы у самого командующего был достаточно четкий план, который поддерживал бы его твердость. Ничто так не провоцирует вмешательство сверху, как отсутствие уверенности внизу. Если Наполеон III пытался управлять из Парижа осадой Севастополя, то главной причиной этому была неуверенность Канробера; порядок восстановился, когда командовал Пелисье. Если Турская делегация¹⁵ официально управляла движениями войск армии Луары вокруг Орлеана, что нанесло большой урон ее сплоченно-

сти, дверь этому злоупотреблению открыла пассивность генерала д'Орелля; никто не вел себя так с генералами Ганзи или Фэдэрбом.

Случалось, напротив, что военное командование вырывало свою власть у слабых правителей. В феврале 1917 года Гинденбург и Людендорф¹⁶, присоединившись к «бунту» Тирпица¹⁷, навязали Бетман-Гольвегу¹⁸ объявление тотальной подводной войны, которая заставила Америку вступить в конфликт и разрушила политику канцлера сверху донизу. К тому же немецкий Генеральный штаб не остановился на полпути, в действительности он присвоил себе право принятия решений во всех вопросах законодательства, управления страной, дипломатии.

Более того, он вмешивался в выбор министров, завязал с парламентом большую интригу, которая заставила императора отправить в отставку Бетман-Гольвега, подчинил своему контролю его преемников — Михаэлиса и Гертлинга. Известно, какие последствия повлекла эта опека. Когда неудачи поколебали высшее командование, власть тут же оказалась бессильной, и

стойкий народ погрузился в отчаяние, вызвавшее, как раз вовремя, поспешное перемирие. Эти незаконные вмешательства не случились бы, если бы немецкая власть, осознающая свое высшее право и уверенная в своих планах, отказалась дать себя унижить. Бисмарк делать с собой такое не давал. Политики или солдаты, лучшие слуги государства, редко являются самыми гибкими. Нужно, чтобы у повелителей были души повелителей, и крайне недальновидно лишать людей власти под предлогом того, что у них сложный характер. Добиваясь удобства в отношениях, мы рискуем потерять все, когда настанут великие дни.

III

*У*ногда, идя по наиболее легкому пути, народы вверяют заботу об управлении своей политикой и армией воле и прихоти одного-единственного человека. Александр Македонский, царь и генерал, завоевал Азию за десять лет. Рим уста-

навливал диктатуру во времена великой опасности. Фридрих II¹⁹ формировал государство, руководил дипломатией и управлял войсками так, чтобы осуществить проект, который он замыслил. Наполеон проявлял равный гений в военном искусстве и в управлении государством. Следует признать, что такое положение во многих случаях придает военным усилиям исключительную мощь. Но оно имеет тяжелые оборотные стороны. Ему мы обязаны Ватерлоо и Аустерлицем. Каким бы сильным ни был командующий, он привел нас к Седану.

Впрочем, здесь мы имеем дело с исключительными событиями и людьми. Мудрость народов хотела бы найти средства от разногласий между сосуществующими правительством и командованием — разногласий, древних, как война, а значит, как и сам мир. Даже сегодня предлагают такие средства. Нельзя ли их наладить, эти столь сложные отношения? Нельзя ли разделить действия, управляемые совместно, на две части и установить для обеспечения порядка некую систему, которая при необходимости стала бы законом? Нет! Ведь в

действительности при всех различиях этих двух сфер их невозможно разделить. Конечно, управление войной в руках государственных деятелей, а операции являются делом военных. Но где должен остановиться каждый из них? В какой мере стратегия и политика оказывают влияние друг на друга? Какая из этих сфер должна расширяться, а какая ограничиваться? Это не может быть ни предписано заранее, ни даже определено. В первую очередь обстоятельства накладывают на это свой подвижный отпечаток: национальные институты, состояние общественного мнения, характер борьбы, природа средств и сотни других условий времени, которые подчас заставляют полностью изменять задуманную организацию. Также и личности людей, занимающих высшие должности, являются очень важным элементом этого дела. Достаточно задуматься, в сколь отличной манере игра, увенчавшаяся победой, была проведена в различных случаях, чтобы ясно осознать, что талант покоряет своему опыту и обстоятельствам доктрину и приемы и что он не нанизывает конкретные обстоятельства военных действий на цепь формул.

В течение тридцати лет Лувуа, под покровительством властного монарха исполнявший функции государственного секретаря, в рамках права не отвечал ни за что, кроме армии, но, подкрепленный доверием короля, своими выдающимися талантами и необыкновенной работоспособностью, он воспользовался переплетением военных дел с другими сферами, чтобы забрать все в

Мудрость народов хотела бы найти средства от разногласий между сосуществующими правительством и командованием — разногласий, древних, как война, а значит, как и сам мир.

свои руки. В согласии с духом монархического строя он сделал из войны в буквальном смысле продолжение политики. Благодаря ему война больше не ограничивалась тем, чтобы наметить для солдат цели, которых они должны достигнуть, не выходя за их пределы, и отметить им жесткие расходы. В самом выполнении задач она стала следовать за ними неотступно, озаряя дело каждого и накладывая на каждого его обязанность. Однако Лувуа сохранял непосредственный контакт с высшими командирами и вдохновлялся их мнениями; так,

Тюренн, Вобан, Люксембург, Креки, а позднее Вандом, Катина, Йиллар приходили в Совет, чтобы сообщить и обосновать свои взгляды. Во время военных действий они формулировали свои критические соображения и даже требования с чрезвычайной свободой, которую галантность того века смягчала, не уменьшая ее.

Карно выполнил свою задачу в других условиях и вследствие этого в другой манере. Когда в августе 1793 года он вошел в Комитет общественного спасения, беспорядок был настолько велик, что его можно было исправить лишь посредством диктатуры. «Уполномоченный за войну» применял диктатуру во всем, что ему подчинялось: в наборе рекрутов, реквизиции, распределении средств, выборе командиров, координации операций между разными армиями. Он все это решал в одиночку, достаточно богатый опытом, а также достоинствами, чтобы считать себя наилучшим судьей. Но он не ограничился ведением войны сверху донизу. Он наставлял неподготовленных генералов в выполнении операций. Он вовсе не заставлял их соглашаться с его решениями и никогда не предписывал, какого поведения при-

держиваться в каждом отдельном случае: «Делай то, что, по твоему мнению, должен, — пишет он Журдану²⁰ после сражения при Ватиньи, — Комитет не требует ничего, кроме как быть осведомленным о твоих планах». Но он указывал им общие правила действий, соответствующие применяемым средствам и обстоятельствам. После каждой операции он критиковал, раздавал похвалы или порицания. В то же время он накладывал на армии дивизионную организацию, которая приводила их, как бы естественно, к желаемой стратегии и тактике. Одним словом, оставляя командирам необходимую свободу, он помогал им, обучал и побуждал их.

Государственный деятель, строивший в прошлом веке здание немецкого единства, оказывал на военный инструмент своей политики намного менее строгое влияние. Без сомнения, Бисмарк управлял — и с какой энергией! — правительством Пруссии, в первую очередь внешней политикой, и создавал общие условия, в которых разворачивались три войны, из которых вышла германская империя. В остальном же он всей своей властью способствовал работе по органи-

зации армии, начатой при Вильгельме I в 1860 году, преодолел сопротивление парламента, полностью поддержал Рона, военного министра, и после 1866 года заставил южные государства подписать с Пруссией договор, который ставил их войска в подчинение короля в случае, если Франция объявит войну. В конце концов он повел за собой общественное мнение и вдохновил прессу так, что в нужный момент единодушная воля народа поддержала оружие солдат. Но ему не нужно было выковывать это оружие. Благодаря исключительному случаю в руках военачальника с обширными и выдающимися талантами он нашел это оружие в нужное время и в нужном месте, готовым сыграть свою роль.

Организация власти в прусской монархии ставила командующего Генеральным штабом на одну ступень с канцлером по отношению к королю. В политической обстановке, которую наметил Бисмарк, все военные задачи были поручены Мольтке. Именно он по своей воле утверждал планы операций, и он их выполнял. Министр воздерживался от вмешательств. В свою оче-

редь Мольтке с щепетильностью избегал вторжений в сферу, которая ему не подчинялась. После сражения при Кениггреце, столкнувшись с несогласием Бисмарка, он отказался от продолжения борьбы. При Седане, в связи с капитуляцией императора, в Меце, во время переговоров с Базэном, в Париже, при установлении условий перемирия, он не сделал ничего, что бы не было предварительно согласовано с министром.

Однако та же система разделения власти, приносившая необычайные результаты, когда ее использовали Бисмарк и Мольтке, при других обстоятельствах и других фигурах привела Германию во время Первой мировой войны к известным разногласиям.

В то же время крайне изменчивый характер этапов конфликта побудил правительство и командование Франции к тому, чтобы неоднократно трансформировать организацию их отношений. В начале конфликта сотрудничество наиболее просто, так как судьба страны зависит только от операций. Управление войной, таким образом, ограничивается дипломатической работой, которая должна обеспечить нам новые альянсы

и подготовить помощь в будущем, и моральным воздействием в пользу священного союза. Но во всем другом война совпадает с битвами. Роль общественной власти в ней меняется сверху донизу. Без вмешательства какого-либо чрезвычайного закона или революции жестокий характер кризиса, свойственный войне, передает военному командованию большую часть атрибутов, присущих правительству.

Но как только фронты установлены, правительство снова выходит на первый план. Теперь нужно пустить в ход народ. С этих пор главным является укомплектование личного состава, мобилизация промышленности, управление моральным духом граждан, переговоры с союзниками. Расширение конфликта побуждает нас к тому, чтобы вывести на новые театры военных действий силы, которым центральная власть должна предписать маршрут и дать задание. Растущее содействие флота должно быть объединено с общими усилиями. Нужно привлечь людей и технические средства, разрешить тысячи проблем, связанных со снабжением, транспортом, финансированием. Заодно стано-

вится теснее взаимная зависимость управления войной и операциями. Необходимость сократить человеческие потери держит стратегию в рамках. Производительность промышленности имеет следствием тактику использования технических средств. Состояние боевого духа армии зависит от состояния духа народа.

Последняя фаза войны приводит к новому разделению прав и обязанностей. Из-за того, что характер сражений становится решающим, военное искусство больше не должно принимать советы ни от кого, кроме самого себя. Все должно быть подчинено нуждам операций. Правительства понимают это настолько хорошо, что снимают с себя в пользу военачальника главную часть своей роли — осведомленность и координирование действий своих армий. Для Франции, существование которой непосредственно зависит от каждого конкретного сражения, ведение войны заключается прежде всего в поддержании воли нации к победе в моменты высшей опасности. Справедливая слава уготована государственному деятелю, который умеет это делать, ничего не жалея.

IV

У так, какое бы удовлетворение логического порядка ни находило бы сознание, в особенности сознание французов, в детальном регламентировании отношений между правительством и командованием во время войны, оно оказывается достаточно мудрым, чтобы обойтись без него. Военные действия — это люди в среде обстоятельств. После того как они сначала выкажут необходимое почтение, нужно позволить людям извлекать из собственной сущности поведение, которого следует придерживаться в каждом конкретном случае. Возможно даже, как сказал Поль Пэнлевэ²¹: «Трудности будут расти, если, пытаясь предвидеть изменчивые сложности событий, мы захотим лишать ответственных людей свободы действий прямыми предписаниями». Означает ли это, что солдаты и политики должны положиться на случай, который бы вдохновлял их, и что они ничего не могут сделать, чтобы подготовиться к своему вероятному долгу? Нельзя пренебрегать самым важным, а именно подготовкой лично-

стей к испытаниям особого рода, в которых все будет зависеть именно от них. Итак, подобное формирование в наши дни не идет само по себе. В другие эпохи оно обеспечивалось социальным и политическим режимом, который включал в семьи и советы всех слуг государства. Римский патрициат поставлял своих представителей на публичные, гражданские, а также военные должности, не делая между ними различий. Пруссия вплоть до конца прошлого века получала своих министров, высших чиновников и генералов из одной касты мелкопоместного дворянства. В старой французской монархии дворянство, несмотря на то что король не подпускал его к управлению страной, не переставало участвовать в великих делах, щедро отдавая своих сыновей в армию. Впрочем, правитель, олицетворяя все ветви нашей власти, символизировал их гармонию, и результатом этого постоянного взаимного проникновения было взаимопонимание тоги и оружия, которого уже не несет в себе дух нашего времени.

В действительности сегодняшний ход вещей вовсе не дает политикам и солдатам возможности проявить

себя в общем действии или даже хорошо узнать друг друга. Жизнь государственного человека наполнена настолько сложными и неотложными обязательствами, что это подавляет склонность к размышлениям, не относящимся к конкретному предмету, и не оставляет для них свободного времени, тогда как существование военных, каким бы тяжелым и уединенным оно ни было, редко удостоивается общественного внимания. Несомненно, вожди народа и военные командиры неявно чувствуют некоторого рода взаимное притяжение. Эти одержимые властью люди без передышки тащат вдоль противоположных берегов реки корабль своих амбиций и испытывают друг к другу тайное уважение сильных к сильным. Но что же? Они так и остаются на берегу. Их желания, тревоги, действия слишком непохожи, чтобы у них вошло в привычку движение навстречу друг другу. Впрочем, они и не находят для этого случая, за исключением участия в некоторых комиссиях или конференциях, на которых военные, обозначенные как «эксперты», ограничиваются вопросами своего технического мастерства, и присутствия на

публичных церемониях или на похоронах, где каждый слушает речи на своем месте.

Предусмотрительное государство должно при помощи совместных исследований постараться подготовить политическую, административную и военную элиту к тому, чтобы в случае необходимости управлять военными усилиями нации. Помимо того что в случае конфликта это предоставит разным ветвям власти

Предусмотрительное государство должно при помощи совместных исследований постараться подготовить политическую, административную и военную элиту к тому, чтобы в случае необходимости управлять военными усилиями нации.

наилучшие возможности прийти к согласию, в мирное время такое установление, несомненно, поможет прояснить дискуссии и законы, которые касаются военной мощи страны. Факт в том, что в этом вопросе, за отсутствием доктрины, установленной согласно духовному и физическому облику Франции, мы слишком часто продолжаем действовать, как народ, родившийся только вчера.

Но ни солдат, ни политик не смогут извлечь прозорливость и высшую мудрость, рождающую взаимопонимание, из науки, которую можно освоить, или из свода правил. Здесь нужны интуиция и характер, которым нельзя научить, которые невозможно возбудить или предписать, свою роль должны сыграть дарования, способность к размышлению и в первую очередь то скрытое горение, из которого произрастают выдающиеся способности. Так в конечном счете можно прийти лишь к одному выводу: нельзя сделать ничего великого без великих людей, а они становятся великими, потому что захотели ими стать. Дизраэли с юности приучил себя думать, как премьер-министр. В еще неясных уроках Фоша²² просвечивает верховный главнокомандующий.

Итак, политики и солдаты, несмотря на свое тяжелое бремя, предрассудки и противоречия, должны захотеть стать адептами философии необходимости, и мы станем свидетелями прекрасной гармонии. Конечно, не будет толку, если это попробуют сделать посредственности, которые в трудностях стараются обезопасить се-

бя, а не возобладать над ними. Но пусть этим жаром будут охвачены амбициозные люди первой величины, которые видят в жизни единственный смысл — наложить

...В армии нет блестящей карьеры, которая не служила бы широкой политике, но нет и великой славы государственного деятеля, если она не отбрасывает свой блеск на дело национальной обороны.

на события собственный отпечаток и которые на берегу, к которому их прибывают будни, мечтают лишь о буре Истории! Эти люди, вопреки волнениям и иллюзиям века, не позволяют себе обманываться: в армии нет блестящей карьеры, которая не служила бы широкой политике, но нет и великой славы государственного деятеля, если она не отбрасывает свой блеск на дело национальной обороны.

***

¹ Мюссе Альфред де (1810–1857), французский писатель, тонкий новеллист.

² Монтаньяры, или партия Горы, политическая партия во французском Национальном конвенте (1792–1795) во главе с

Дантоном. В борьбе с жирондистами монтаньяры, опираясь на клуб якобинцев, одержали верх.

- ³ Термидорианский переворот, переворот 27–28 июля 1794 года (9 термидора второго года по республиканскому календарю) во Франции, приведший к падению диктатуры Робеспьера.
- ⁴ Брюмер, второй месяц года по французскому революционному календарю (от 22 октября до 22 ноября). 18 брюмера восьмого года, то есть 9 ноября 1799-го, Бонапарт сверг директорию и назвал себя Первым консулом.
- ⁵ Карно Лазар Никола (1753–1823), французский математик, государственный и военный деятель Революции. Член Законодательного собрания (1791–1792) и Конвента (1792–1795). В период якобинской диктатуры был членом Комитета общественного спасения (с 1793) и выдвинулся как военный организатор борьбы с интервентами и роялистами («организатор победы», как называли его современники). Автор «Размышлений о метафизике бесконечно малых» (1797). Отказался признать Наполеона императором, но во время Ста дней был назначен министром иностранных дел. После второй Реставрации был изгнан из Франции Бурбонами.
- ⁶ Имеется в виду 2 декабря 1852 года — день установления Второй империи Наполеона III.
- ⁷ Лансон Гюстав (1857–1934), французский литературовед, автор «Истории французской литературы» (1894).

- ⁸ Имеется в виду Луи II Бурбон Конде (см. выше).
- ⁹ Люксембург Франсуа-Анри де Монморанси (1628–1695), герцог, французский маршал, командующий во время войны с Нидерландами.
- ¹⁰ Фрейсине Шарль Луи де Сольс (1828–1923), французский государственный деятель. Выдвинулся во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов; возглавил штаб обороны в Туре (октябрь 1870), принимал деятельное участие в формировании новых войск для продолжения войны.
- ¹¹ Криспи Франческо (1818–1901), итальянский государственный деятель. В период Рисорджименто участник революции 1848–1849 годов, сподвижник Гарибальди в походе его «тысячи».
- ¹² Баратьери Орест (1841–1901), итальянский генерал, в 1887-м командовал колониальными войсками в Эритрее (провинция Эфиопии), с 1892-го губернатор колонии, 1 марта 1896 года был разбит при Адуде, за что отдан под суд, но оправдан.
- ¹³ Неервинден, деревня в Бельгии, в провинции Льеж, при которой в 1793 году австрийцы одержали победу над французами, которыми командовал Дюмурье.
- ¹⁴ Мармон Огюст Фредерик Луи Виес де (1774–1852), маршал Франции. Участвовал в осаде Тулона, в Египетском походе Наполеона, в битве при Маренго. Вопреки приказу Наполеона сдал Париж Александру I, командовал парижским гарнизоном в дни революции 1830 года, бежал вместе с королем Кар-

лом X, совершил путешествие по всем местам наполеоновских битв. Автор обширных мемуаров.

- ¹⁵ Тур, главный город французского департамента Эндрь-и-Луары, на реке Луаре, с 11 сентября по 10 декабря 1870 года местопребывание правительства народной обороны (турская делегация во главе с Гамбеттой).
- ¹⁶ Людендорф Эрих (1865–1937), немецкий военный деятель, генерал пехоты. С 1894 года служил в Генштабе. В период Первой мировой войны 1914–1918 годов ближайший помощник генерала Гинденбурга.
- ¹⁷ Тирпиц Альфред фон (1849–1930), германский военно-морской и политический деятель, гросс-адмирал. В 1897–1916 годах статс-секретарь военно-морского ведомства (морской министр).
- ¹⁸ Бетман-Гольвег Теобальд (1856–1921), германский государственный деятель. В 1905–1907 годах министр внутренних дел Пруссии, в 1907–1909 годах имперский министр внутренних дел и заместитель рейхсканцлера. В 1909–1917 годах рейхсканцлер.
- ¹⁹ Фридрих II (1712–1786), прусский король из династии Гогенцоллернов, прозванный Великим. Терпел поражения только от русских войск. Мастер афоризмов и умелой саморекламы в качестве блестящего стратега и вместе с тем организатор реальной военно-политической мощи Пруссии.
- ²⁰ Журдан Жан Батист (1762–1833), маршал Франции (1804), граф (1816). Во время революции командовал батальоном

волонтеров, с 1793 года дивизионный генерал, командовал рядом армий.

²¹ Пэнлевэ Поль (1863–1933), знаменитый математик, авиационный специалист, президент Академии наук Франции. В 1917 году военный министр, президент Государственного совета.

²² Фош Фердинанд (1851–1929), маршал Франции (1918), британский фельдмаршал (1919) и маршал Польши (1923). Во время Первой мировой войны командовал корпусом, затем девятой армией, в 1915–1916 годах — группой армий «Север». С мая 1917-го — начальник Генштаба, с апреля 1918-го — верховный главнокомандующий союзными войсками.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Зачем читать текст политика, имя которого почти кануло в Лету? К тому же – текст возвышенной тональности, от чего наш век отвык напроочь.

Дело в том, что давнее эссе генерала де Голля, созданное в начале 30-х годов прошлого века, звучит в сегодняшней России с неожиданной актуальностью. Уже больше десятка лет у нас говорят об армейской реформе, обсуждая ее по большей части всего в трех регистрах. Один – бухгалтерский, когда все время говорится о несовпадении сумм, выделяемых бюджетом на оборону, с суммами, которые этой обороне необходимы. Другой – технический, когда не без удивления обнаруживается, что российский ОПК сохранил способность воплощать «в железе» превосходные идеи. Третий – жало-

стный, когда акцент ставится на недостойном положении призывников, офицеров-отставников, крепостных солдат на строительстве дач и т. д. и т. п.

Четвертый регистр, может быть, самый существенный, не занят.

Это самосознание армии, всегда возникающее на пересечении двух отношений: отношения общества к армии и отношения армии к самой себе. Годы перестройки были характерны едва ли не восторженным психологическим разоружением, от которого общество до сих пор до конца не излечилось, хотя уже приходит понимание того, что нисколько не устарела древняя максима: если хочешь мира, готовься к войне. Разом обнищавшая армия впала в прострацию и, несмотря на солидные усилия последних лет, все еще из нее не вышла. Понимание новых вызовов, включая международный терроризм, постижение всех сложностей новой геополитической ситуации, в которой оказалась Россия, еще только перерастает в новую оборонную доктрину.

Текст де Голя об этом. О кризисах, в которые не единожды погружалась военная каста, об опасностях

мирного времени. О драматизме отношений военного и политика.

Когда де Голль писал это эссе, переосмысляя эффекты первой великой войны нового времени, Европа окунулась в пацифизм без границ. Хемингуэй с точностью уловил общее настроение в названии первого своего романа – «Прощай, оружие!» Редкие, особо прозорливые политики вроде итальянского министра Франческо Нитти указывали в книгах на грядущую опасность, порожденную Версальским миром, с точностью до года прогнозировали начало новой войны, но их никто не желал слышать. Не грех припомнить, что к 1939 году, когда Уинстон Черчилль вновь был востребован Британией, на батареях береговой артиллерии острова Мэн в проливе Ламанш было по шесть снарядов на орудие. Вчерашние герои Вердена и Соммы разом оказались лишними везде – за пределами аудиторий военных академий.

Мы знаем дальнейшую судьбу автора – он ее не знал. Автор строил карьеру военачальника, оценивал политиков с этой специфической точки зрения, но стал именно политиком, которому пришлось пережить и

любовь, и ненависть масс, который без пролития крови справился с мятежом прежних своих коллег в Алжире и ушел, потерпев поражение на референдуме.

Звание, присвоенное строптивому полковнику, державшему доказывать, что доктрина военного ведомства ведет в тупик, лишь в тот момент, когда война 1940 года была уже проиграна, приклеилось к его имени столь прочно, что всплывает в памяти автоматически: генерал де Голль. Однако он был рожден как политик с изрядным стратегическим видением и состоялся именно как политик. Уже только поэтому его эссе интересно всякому, кто всерьез заинтересован политикой. Две трети объема докладной записки были отданы критике концепции линий обороны, треть – концепции танковых прорывов, но в «Острые шпаги» об этом не сказано, и слово «танки» встречается на этих страницах один только раз. Эссе содержит идеологию той записки.

Зная дальнейшую судьбу генерала, особенно любопытно вычитывать ее из давнего текста. Великие мастера военных действий явно привлекали внимание де

Голля прежде всего как организаторы вооруженных сил. При глубочайшем внимании к знанию ситуаций, к интуиции, вооруженной знанием и опирающейся на него, он с маниакальным упорством атакует пристрастие к умозрительным доктринам. Он видит в них оборотную сторону сугубо галльского пристрастия к чистой логике, но российскому читателю, сколько-нибудь знающему историю, немедленно приходит на ум тот сплав фантастики и доктринерства, которым столь ярко была окрашена советская мысль предвоенных десятилетий.

Может быть, для человека штатского интереснее всего окажется то, кого автор чтит в наибольшей степени, на ком, как на постаменте, возвышалась его непомерно длинная фигура. Это Тюренн и Лувуа, сформировавшие регулярную армию королевской Франции. Это Карно – математик и физик, блистательно справившийся с казавшейся невыполнимой задачей: создать победоносную армию Республики из хаоса Великой революции. Это давние противники Франции Бисмарк и Мольтке–старший, в редкостно продуктивном

тандеме создавшие мощь кайзеровской Пруссии. Но автор не так одномерен, чтобы ограничивать горизонт своего воображения лишь военачальниками и политиками. Его остро занимает психологический рисунок в проблеме принятия решения, и здесь ведущими авторитетами оказываются для него Толстой и Флобер. А как любопытен подбор эпиграфов, к чему де Голль-стилист относился с особой тщательностью! Шекспировский Гамлет, гетевский Фауст, Мюссе, но также и военный врач-психолог Дюамель, и, несколько неожиданно, беспринципный карьерист Бюжо, предававший и Наполеона, и Бурбонов, и снова Наполеона, и снова Бурбонов. Де Голль вытащил эту подзабытую фигуру из гардероба истории только затем, чтобы процитировать: на войне есть принципы, но их мало. И еще есть цитата из подзабытого певца Долга с большой буквы Вилье де Лиль Адана, мистика и реваншиста, болезненно остро ненавидевшего буржуа-победителей.

Де Голль, в своих мемуарах писавший о себе исключительно в третьем лице («и тогда генерал сказал...»), уже в 30-е годы писал слово «История» с большой бук-

вы. Он не употреблял слово «честь» – только по той причине, что человек чести о ней не говорит.

Он старомоден, несколько напыщен, но не смешон уже потому, что вычеркнуть его имя из большой истории невозможно. И потому читать его стоит, памятуя при всех обстоятельствах главную из практических максим генерала, который, согласно галльской традиции, считал необходимым оставить после себя собрание афоризмов:

«Избегать возможности оказаться между собакой и фонарным столбом».

В.Л. Глазычев, ген. директор
издательства «Европа»

Этот текст – о наиболее редком качестве как политика, так и военного человека. Об отваге решения и ответственности за него. Независимо от содержания, эссе способно удивить русского читателя, после Петра Великого и Суворова отнюдь не избалованного красноречием военачальников, исторической и литературной эрудицией автора и чрезвычайной отточенностью его стиля.

Шарль де Голль (1890–1970) – один из наиболее выдающихся деятелей в новейшей истории Европы. Архитектор и строитель самой стабильной политической системы среди европейских демократий. Человек, который дважды возглавлял страну, принимая власть на пике национальной катастрофы и снимая с себя полномочия, добившись экономического подъема и роста международного престижа. Его жизнь, отношение к себе, к долгу, устремления и убеждения стали образцом для многих поколений политиков.

И

д
е
о
л
о
г
и
и